

Лариса Кириллина

Наследник

"Хранительница" - часть 6

16+

Лариса Валентиновна Кириллина

Наследник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67958616

SelfPub; 2022

Аннотация

«Наследник» – шестая часть цикла фантастических романов «Хранительница». На планете Лиенна погиб выдающийся космолингвист, принц Ульвен Киофар Джеджидд, успевший провозгласить императрицей свою сестру Иссоа – носительницу реликтовых генов алуэсс, певчих воинственных океанид. Проклятие, которое Иссоа обрушила на Лиенну, ударило и по ее семье. Юлия, любимая ученица профессора Джеджидда, пытается восстановить мир и лад. Ее союзник – маленький принц Ульвен, наследник династии, музыкальный гений. – Читайте предыдущие части космооперы: «Тетрадь с Энцелада», «Тиатара», «Двойное кольцо», «Око космоса» и «Алуэсса».

Содержание

Дитя алуэссы	13
Ночной разговор	25
Коллеги	34
Сюрприз	55
На маяке	60
Всё и сразу	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Лариса Кириллина

Наследник

Status
quo

Мы остались на Тиатаре.

После гибели моего учителя мне хотелось бросить всё и исчезнуть из этого мира, улетев в другую галактику. Например, на Землю, которую я вспоминаю теперь очень смутно. Папа, думаю, был бы не против, хотя вряд ли узнал бы привычные города и пейзажи, а наших близких мы в живых не застали бы. Однако вялые разговоры о возвращении на родную планету постепенно утихли. Лететь всей семьей – неподъёмно дорого даже для нас, слывущих на Тиатаре весьма состоятельными, а то и богатыми. Вместе с детьми нас семеро: папа, я, мой муж Карл Максимилиан (в обычном общении – Карл-Макс или Карл), его отец – барон Максимилиан Александр, мой младший брат Виктор и наши с Карлом дочери, Лаура и Валерия. Я – высокооплачиваемый профессор Колледжа космолингвистики, входящего в Межгалактический Тиатарский университет. Папа – преподаватель юридического факультета, получающий к тому же солидную пенсию дипломата в отставке. Оба моих барона – владельцы частного космолета «Гране». Максимилиан Александр уже

не летает, а Карл – регулярно. Каждая экспедиция – большие расходы, но потом и большие деньги. Тем не менее, даже если мы сложим все нажитые капиталы, на семейное путешествие в совершенно другую часть Вселенной средств не хватит. А разделяться нет смысла. Мы все тесно связаны и уже составили на Тиатаре дружный клан, главой которого, сама того не желая, оказалась я – Юлия Антоновна Цветанова-Флорес, она же баронесса Юлия Лаура Ризеншнайдер цу Нойбург вон Волькенштайн.

Меня уже никто не зовет, как в детстве, «Юла». Разве что брат или, изредка, папа. Для него я опять стала «Юленька». Для Карла – «Юльхен». Для друзей по-прежнему – «Юлия», или на уйлоанский манер, тягуче и плавно: «Юллиаа».

Если кто вдруг откроет эту часть моих хроник, не зная всех предыдущих, поясню, что с уйлоанской семьей Киофар была связана вся моя жизнь на Тиатаре, а может быть, и вся судьба, сколь бы пафосно это ни прозвучало.

Киофар – семья необычная. Мой покойный учитель, выдающийся космолингвист Ульвен Киофар Джеджидд, был наследным принцем двух империй – Уйлоанской, давно погибшей, и Лиеннской, возникшей в другой галактике. Его младшая сестра Иссоа носит титул императрицы, хотя на Тиатаре считается частным лицом (здесь нет и не может быть никаких императоров). Какими путями уйлоанская община появилась на Тиатаре, описывать долго, существует обширная литература по теме, в том числе «Уйлоанские древно-

сти», ежегодник Тиатарского университета.

Уйлоанцы антропоморфны, но не очень похожи на нас. Для меня давно уже не имеет никакого значения, что у них, например, три глаза, а у меня только два. И что кожа у них серовато-зеленоватая. Мы ведь тоже им кажемся не слишком красивыми существами. Волосатость и бородатость для них – признак принадлежности к животному миру. Но долгие годы дружбы упразднили всё внешнее и оставили только то, что по-настоящему ценно и важно: уважение, преданность и – осмелюсь произнести это слово – любовь.

Мой любимый учитель был убит на планете Лиенна, куда его настоятельно пригласили с официальным визитом. На Лиенне, как я уже говорила, существует другая диаспора уйлоанцев, которая решила воссоздать империю во главе с Императором-иерофантом. Ульвен оказался единственным в целой Вселенной, кто имел законное право на трон, и предполагалось, что визит завершится его коронацией. С ним отправились самые близкие: супруга – Илассиа, сестра – Иссоа, жених сестры – Эллаф Саонс, и мой муж Карл в качестве советника и телохранителя.

Все мы знали, что Ульвен совершенно не жаждал принимать императорский титул. Он вообще крайне скептически относился к идее Лиеннской империи, считая ее «симулякром». Свое будущее он связывал исключительно с Тиатарой, где работал в то время со-ректором Межгалактического университета, а по окончании срока намеревался возглавить

одно из созданных им учреждений – Музей Уйлоа или Институт истории Тиатары. По сути – сменить сферу профессиональной деятельности, превратившись из космолингвиста в уйлоаниста.

Поэтому, отправляясь на Лиенну, он надеялся убедить местные власти сделать императрицей Иссоа, принцессу-наследницу, которая уже изъявила готовность остаться на этой планете, если ей позволят выйти замуж за незнатного Эллафа. После трудных переговоров согласие было достигнуто, протокол торжеств утвержден, разработана обширная программа празднеств – коронационных и свадебных. По их окончании старшие члены семьи Киофар, Ульвен и Илассиа, собирались вместе с Карлом вернуться на Тиатару.

До их пор неизвестно, существовал ли широкий заговор против «звездного императора». Власти Лиенны категорически отрицали свою причастность к случившемуся. Согласно официальной версии, Эверен Силлар, убийца Ульвена – одиночка-фанатик, рьяный приверженец традиционной монархии, который усмотрел в церемонии провозглашения Иссоа императрицей невиданное святотатство. Уйлоанской империей никогда не правили женщины, и даже при отсутствии у императора сыновей власть передавалась любому родственнику-мужчине. Ульвен же, убеждая лиеннцев сделать императрицей его сестру, апеллировал к прецедентам во вселенской истории цивилизаций, приводя в пример и земные монархии, вроде древнеегипетской, русской или британской.

Карлу ныне по зрелому размышлению кажется, что заговор инспирировался властями, и убийцей мог стать почти любой из лиеннцев, желавших принять участие в церемонии у очага как помощник верховного иерофанта. Только Маон Виттай, племянник главы правительства, господина Оннео Виттая, вряд ли мыслился исполнителем негласного приговора – ведь убийцу пришлось бы потом судить и казнить. А несчастному юноше Эверену Силлару, одержимому фанатической мечтой о великой империи, внушили, будто он решился на жертвенный подвиг, ради которого стоит отдать свою жизнь. Карл и Эллаф обратили внимание на невероятную точность удара. Лезвие вошло прямо в сердце. Такое внезапное молниеносное действие требовало тщательных тренировок – возможно, с участием манекена. Но доказать причастность властей Лиенны к покушению на священную особу Императора-иерофанта теперь невозможно. Несомненно, они постарались уничтожить улики и надежно спрятать свидетелей. Межгалактический альянс не обладает правом вести расследование уголовных дел на местах, если только власти не просят о помощи. Поэтому руководство Альянса предпочло не ставить под сомнение официальную версию.

Я провела те ужасные дни в доме семьи Киофар. Отбывая на Лиенну, мой учитель назначил меня Хранительницей своего очага. Это значило, что я временно становилась посредницей между домом и всеми его обитателями как в про-

шлом, так и в настоящем. Дом был весь пронизан незримыми токами пресловутой сакральности и принял бы как Хранителя не любого, а только действительно избранного. Вопреки недовольству уйлоанской родни, Ульвен объявил, что его избранница – я, уроженка Теллус, инопланетянка. О наших с учителем истинных отношениях ходили разные толки, однако нам не в чем было каяться перед близкими, а посторонние не имеют никакого права об этом судить. Свой долг я исполнила. Как и он – свой.

Уйлоанцы, живущие в Тиастелле, по старой памяти называют меня «госпожа Хранительница», хотя сейчас я храню не дом семьи Киофар, а лишь память обо всем, что с ним связано. Обо многом я уже рассказала и в моей монографии *«Профессор Ульвен Киофар Джеджидд, его научная и педагогическая деятельность»*, которую я защитила как докторскую диссертацию, и в моих записках, которые постоянно перечитываю, правлю и понемногу готовлю к изданию.

Я не знаю, искал ли он смерти, достигнув предела, доступного существу из плоти и крови. Несмотря на то, что он долго противился року, не желая признать себя Императором, он не мог перестать развиваться и стремиться ввысь и вперед. Я сама наблюдала за постепенным перерождением замкнутого и угрюмоватого магистра Джеджидда в блистательного профессора, а затем и в великолепного ректора Ульвена Киофара Джеджидда, члена Планетарного совета Тиатары, под конец же – в «его императорское высоче-

ство принца Ульвена Киофара Уликенсса Джеджидда». Апофеозом преобразования мог бы стать «Император Лиенны и верховный иерофант уйлоанцев – Ульвен Киофар Уликенсс Джеджидд». Дальше было двигаться некуда. Но желал он не власти, а нового знания. Он был слишком тонок, умен, ироничен и безудержно смел, чтобы стать лишь декоративным правителем «ложной», как он выражался, империи. Ульвен не скрывал своих планов: если он получит верховную власть, то сломает и переделает все институты, не оставив камня на камне. Иссоа, его сестра, ни на что подобное не покушалась. И почему убили Ульвена, не дав довести церемонию до конца, оставалось загадкой. В своем кругу, семейном и дружеском, мы старались не обсуждать тех мрачных событий, коль скоро изменить ничего уже было нельзя. Оставалось принять status quo – сложившееся положение дел.

С тех пор миновало шесть лет.

Уйлоанская община Тиатары прервала все сношения с властями Лиенны. Межгалактический альянс наложил на планету огромный штраф и весьма неприятные санкции. Поскольку Ульвен успел провозгласить Иссоа императрицей, титул ее всеми признан, хотя официальная коронация так и не состоялась.

Наша скромная императрица живет по-прежнему в доме семьи Киофар. Сразу же по возвращении с Лиенны она вышла замуж за Эллафа Саонса. У них двое детей: принц-наследник – Ульвен Киофар Саонс, и дочь Файолла, названная

в честь покойной матери Ульвена и Иссоа.

Вдова Ульвена, Илассиа, как ни странно, тоже вступила в брак, причем не с кем-то, а с доктором Келленом Саонсом, отцом Эллафа. Теперь она официально зовется «Илассиа Киофар Саонс». Ульвен в своем завещании оговорил ее право сохранить его родовую фамилию даже в случае нового брака, а Иссоа не высказала возражений. Саонсы на Титаре теперь тоже считаются высшей знатью. Но ведут они себя вовсе не как праздные аристократы. Келлен по-прежнему возглавляет Медицинский центр в Тиастелле, а «магистр Илассиа Киофар Саонс» преподает биоэтику в Межгалактическом университете. Утруждать себя защитой докторской она не стала, ее имя и без того уважаемо. Иногда ее привлекают к сотрудничеству в планетарных проектах как консультанта по экологическому законодательству.

В этом дружески-родственном браке родился сын, на радость всей семье Киофар. Он стал полным тезкой своего умершего деда, профессора Лаона Саонса, инициатора археологической экспедиции на Уйлоа и родоначальника научной уйлоанистики.

Изменения произошли и в семье племянницы моего учителя, Маиллы, которая до возвращения Иссоа с Лиенны исполняла обязанности верховной иерофантессы дома семьи Киофар. Ее союз с астрономом Ассеном Ниссэем пополнился новой маленькой звездочкой – дочкой Иланной, получившей свое имя в честь обеих бабушек, Ильоа и Вианны. Те-

перь у их сыновей-близнецов, Ульфара и Массена, есть сестренка, хотя мальчики пока не осознали, какое им выпало счастье, и считают Иланну обузой, когда их просят с ней поиграть.

Дом семьи Киофар по-прежнему служит нам общим пристанищем. Мы собираемся там и по праздникам, и просто по выходным – повидаться и поговорить по душам, посмотреть на наших растущих детей, вспомнить юность и поделиться приятными новостями.

Жизнь продолжается, и, хотя забыть о случившемся невозможно, здесь всё чаще слышится смех и витает веселье и радость.

Дитя алуэссы

В этот раз собралась почти вся наша уйлоанско-земная компания: Иссоа, Эллаф, их дети, Илассиа, Келлен, Лаон-младший, Ассен с двумя сыновьями (Маилла осталась с захворавшей дочкой Иланной), – ну и мы: два моих барона, я и наши с Карлом дочери, Лаура и Валерия.

Кроме нас, по дому незаметно сновали Нинниа, няня крошки Файоллы, и две приходящих прислуги, – мать и дочь, Ваканда и Танджи (эти двое – тагманки, они очень давно тут работают).

Взрослые сели обедать в парадном зале, а детям, как обычно, накрыли в прилегающей маленькой гостиной. Лаура и Валерия сначала слегка обиделись, что их не сажают за общий стол («Мы умеем прилично вести себя, мы баронессы!»), но, увидев Ульфара и Массена, сразу повеселели. С близнецами Ниссэй они дружат почти что с младенчества. А малышню, Ульвена и Лаона, – первому пять, второму четыре, – так и быть уж, согласны терпеть.

Уйлоанская кухня изысканна, растолстеть с нее невозможно, если только постоянно не питаться сухими продуктами и концентратами фирмы «Фарфар», рассчитанными на быстрое утоление голода. «Фарфар», как я давно уже знаю – семейное предприятие, доли которого принадлежат

двум сестрам, Ильоа Сеннай и Иссоа Киофар Саонс, а меньшая часть – Маилле Ниссэй, выделенная ей как приданое. Мой учитель некогда продал свою долю, поскольку совершенно не желал заниматься предпринимательством и считал неуместным связывать свою репутацию космолингвиста с яркими коробочками «Фарфар». Продукция, впрочем, очень хорошая, она меня всегда выручала: хозяйка я так себе, кулинарка же совсем никакая. Но, конечно, лучше питаться свежей едой, чем концентратами. В этот раз нам подавали рыбу под нежным тающим соусом, запеченных моллюсков, салат из орехов и водорослей, фрукты, зелень и ягоды. Десерт, как обычно, чуть позже. Обещаны сладкие пирожки и мороженое.

Дети быстро насытились и побежали во двор – старшие поплескаться в бассейне, младшие поиграть с ними рядом; присмотреть за всей стайкой взялся Ассен – у него это хорошо получается.

Мы же, как только со стола было убрано, принялись непринужденно болтать обо всем на свете. Обсуждали семейные новости, я рассказывала об успехах брата – Виктор поступил в Тиатарский университет и учится по специальности «тиаграфия» (география, но применительно не к Земле, а к Тиатаре), и ему это очень нравится, особенно предстоящая полевая практика в неисследованных краях. Папа? И у него всё прекрасно. Он ведет семинар «Межгалактическая дипломатия». Нагрузка щадящая, зато смысла в жизни

прибавилось: готовится к занятиям, общается с молодежью, прибывшей с разных планет.

Внезапно в зал, где мы разговаривали, ворвался юркий зеленоглазый Ульвен.

– А ну их всех! – заявил он с порога. – Не хочу больше с ними играть!

– Тебя кто-то обидел? – спросил Эллаф.

– Кто посмеет? – гордо ответил пятилетний принц. – Нет, папа, мне просто скучно! Лаон маленький, остальные все задаваки!

Красноречием этот ребенок явно пошел в профессора-дядю. Едва научившись говорить, Ульвен изъяснялся целыми фразами, которые постепенно становились всё более четкими и пространными. Выражать свои мысли для него не составляло труда, причем теперь уже не на одном, а на трех языках – уйлоанском, тагманском и, как ни странно, немецком, поскольку он часто слышал, как мы общаемся по-немецки – я, два барона, Лаура и Валерия, а также порой и Иссоа, научившаяся немецкому от Карла. Слух и дикция – безупречные, но чего еще ждать от племянника космолингвиста?.. И всё-таки, когда крошечное существо, носящее дорогое мне имя, впервые обратилось ко мне – «Frau Julia» – сердце дрогнуло. Да, я знала, этот Ульвен – совершенно другой, и еще непонятно, кем он станет, однако не могла избавиться от ощущения чуда. Когда я бывала в доме семьи Киофар (из-за занятости – реже, чем мне бы хотелось), маль-

чуган набрасывался на меня, заставляя играть с ним в слова и мгновенно запоминая и воспроизводя своим тонким смешным голоском мои знаменитые дидактически-мнемонические песенки, которыми я перемежаю ученые лекции.

– Хорошо, сынок, посиди рядом с нами, – разрешила Исоа. – Ты, наверное, перегрелся, остынь, тут прохладно. Хочешь соку? Какого тебе – покислее, послаще?

– Да, мама! Хочу. Послаще. Только разбавь холодной водой. Пожалуйста.

– А что делает Лаон? – спросила Илассиа.

– Дядя Ассен с ним пускает в фонтане кораблики. Все прочие прыгают в бассейн, ныряют, брызгаются. И очень громко визжат.

Крик и визг действительно доносился изрядный, хотя дети давно уже вышли из возраста беспричинных конфликтов и драк. Просто им было весело, и они вопили от радости.

При Ульвене наши взрослые разговоры прервались. Мы смотрели, как он пьет сок, и молчали. Мальчик быстро почувствовал, что он вторгся некстати, и спросил:

– Мама, папа, можно мне наверх?

– Можно, только не шуми. Не буди сестру.

– Ладно! Я найду, во что поиграть.

Гибкий и прыткий, как ящерица, он мгновенно пронесся по лестнице и исчез в полумраке верхнего этажа. Императорские покои, как всегда, запирались на ключ, там хранились семейный архив, мантия иерофанта и сакральные при-

надлежности для церемонии у очага. В остальных же комнатах ничего столь важного не находилось.

Мы, однако, забыли про скрипку. Ту самую скрипку, на которой когда-то так прекрасно играл мой Карл в сопровождении барона Максимилиана Александра. Синтезатор в нашем доме в Витанове всё-таки появился, его доставили с Арпадана, и с ним понемногу осваивались Лаура и Валерия. А скрипка осталась в доме семьи Киофар. Карлу некогда на ней упражняться, и в полеты ее брать с собою нельзя. Иссоа, насколько я знала, тоже больше не играла на своем любимом «виолино», хотя, следуя наставлениям Карла, иногда извлекала инструмент из футляра, протирала, освобождала от пыли при помощи специального устройства, подтягивала струны, смазывала смычок канифолью – и вновь убирала в сундук, где лежали самые дорогие ее сердцу реликвии прошлого. Карл так и не мог решить для себя, подарил он скрипку Иссоа или не подарил, а просто отдал на хранение. Периодически он проверял состояние инструмента и кое-что в нем подлаживал, но назад не требовал. Он сам понимал, что здесь эта хрупкая вещь будет в большей безопасности, чем в нашем жилище с его несколько суматошным и безалаберным бытом.

Когда детские крики и смех за окном внезапно стихли (вероятно, Танджи вынесла детям фрукты, сладости и мороженое, и они, прервав свои буйные игры, занялись десертом), сверху слышались дико противные взвизги, в кото-

рых с трудом узнавались звуки скрипки. Я подумала даже, что там пищит от боли какой-то звереныш, но, во-первых, в доме семьи Киофар никогда не держали животных, а во-вторых, Ульвен, хоть большой озорник, неспособен кого-либо мучить.

– Эллаф, милый, будь любезен, сходи туда, отними у него виолино, – попросила Иссоа. – Как он только нашел! Это ведь не игрушка.

Но прежде, чем Эллаф успел выполнить просьбу жены, Ульвен сам начал спускаться к нам, таща на плечах футляр со скрипкой, словно добычу.

Карл метнулся к нему, опасаясь, что мальчик шарахнет дорогим инструментом по ступенькам или балясинам.

– Мама, папа, что это, почему я раньше не видел? – спросил он, возбужденный своим открытием.

– Bitte, gib mir die Geige! – властно вмешался Карл и, не дожидаясь ответа, сам взял у него инструмент.

– Geige? – переспросил незнакомое слово Ульвен.

– «Виолино», – певуче сказала Иссоа.

– «Виолино» – по-итальянски, – пояснила я. – А по-немецки «die Geige». Впрочем, по-уйлоански тоже теперь «виолино». Называй, как тебе больше нравится.

– Для чего оно?

– Musik machen, – лаконично ответил Карл.

– Wie? – тотчас спросил по-немецки мальчик.

– Ich zeig's dir... «Сейчас покажу».

Карл бережно положил инструмент на стол и раскрыл футляр. Придирчиво осмотрел свою скрипку, к которой уже давно не притрагивался. Иссоа тоже на ней не играла, но ответственно относилась к своим обязанностям и содержала «виолино» в порядке. Оставалось только настроить и смазать смычок канифолью. Канифоль, естественно, синтетическая.

Ульвен наблюдал за ним как зачарованный.

Наконец, Карл решился взять два многозвучных аккорда. Сначала слитно, одним ударом, потом вразбивку, арпеджио.

– Ах! – только и выдохнул мальчик. – Bitte, nochmal! Ещё!..

Неуверенно, словно наощупь, Карл заиграл какую-то медленную мелодию. На мой слух, очень трогательную, прямо до слез. Временами он морщился, ибо не всё получалось, как надо. Но как именно надо, никто тут не знал, кроме барона Максимилиана Александра.

– Что это? – спросила я, когда он закончил.

– Юльхен, ты по-прежнему дремучий профан, – изумился он. – Это шлягер на все времена. Уж тебе-то надлежало бы знать. Чайковский. Адажио из «Лебединого озера».

– Adagio? Schwanensee? Was ist das, Onkel Carl? – тотчас встрял любопытный Ульвен.

– Адажио – когда играют спокойно и медленно, – сказал Карл.

– А лебедь – это большая белая птица, – пояснила я. – Вроде «илассиа», но немного другая. С красивой длинной

изогнутой шеей. Живет на планете Теллус в водоемах со спокойной водой.

– Лебеди бывают белые и черные, – добавила Илассиа, никогда не встречавшая ни тех, ни других, но, как биолог, изучавшая экосистемы инопланетной фауны.

– А «Лебединое озеро» – это балет, – продолжил Карл. – Ну, такая игра с представлением, только без слов... Там танцуют под музыку. В том числе девушки-лебеди. И одна из них, белая, любит принца, – постарался Карл объяснить как можно понятнее. – Другая, черная, пытается их погубить. Поэтому музыка вышла местами печальной.

– А давайте станцуем балет! – загорелся Ульвен. – Покажите мне, как он выглядит!

Мы с Карлом и бароном-отцом рассмеялись. Когда-то мы удивлялись тому, что наш друг принц Ульвен категорически не желал танцевать и никогда не музицировал в чем-либо обществе, кроме Иссоа. Для его племянника-тезки этих проблем, похоже, не существовало. Или ему пока еще не внушили строгие правила императорского этикета.

– Прости, я танцую гораздо хуже, чем играю на скрипке, – признался Карл.

– Я тоже хочу играть! – потребовал мальчик. – Научи меня!

Карл переглянулся с Иссоа.

– Инструмент велик для тебя, – сказал Карл. – Ты не сможешь держать его правильно. На Теллус я заказал бы тебе

уменьшенный вариант, в четверть этого. А здесь никаких «виолино» не делают.

– Почему?..

– Потому что на Тиатаре они никому не нужны.

– Как? А мне?.. Мама, папа, давайте потребуем, чтобы нам привезли или сделали Geige! Только маленькое. Для меня.

Карл пытался ему объяснить, что ни быстро, ни просто это не выйдет. Нужны чертежи, особые материалы, опытные мастера, и сам процесс изготовления инструмента может длиться несколько месяцев – даже на Теллус, где скрипки учились производить в течение нескольких столетий. А на Тиатаре такого опыта вовсе нет. Можно попробовать заказать аналог из пластика, но звук будет заведомо ненатуральным. Не таким, как у этого подлинного, очень старого инструмента.

– Тогда учи меня прямо на этом!

– Ульвен, ты не можешь приказывать дяде Карлу, – мягко одернула сына Иссоа.

– Могу! Я принц!

– Карл наш друг. С друзьями нельзя обращаться невежливо. Ты разве слышал когда-нибудь, чтобы я или твой отец говорили в таких выражениях с госпожой Хранительницей или с обоими господами баронами?

– Нет, – смутившись, признался Ульвен.

– С твоей стороны уместно было бы извиниться, – заметил Эллаф.

– Bitte um Verzeihung, – тотчас сказал Ульвен с умильтельной кротостью. – А как будет «госпожа Хранительница»?

– Frau Bewahrerin, – ответил Карл. – Если очень вежливо, то «милостивая госпожа», «gnädige Frau».

– Und zwei gnädige Herren Barone, – мгновенно подхватил Ульвен, непринужденно сладив с немецкой грамматикой.

– Неужели ты будущий космолингвист? – умилилась я.

– Или будущий музыкант, – возразил барон Максимилиан Александр.

– Музыкант-император – такого еще не бывало, – сказала Илассиа.

– А Иссоа? – напомнил Карл.

– Да, я пела когда-то, – согласилась она. – Но давно не пою. Даже дома.

– Почему? У тебя ведь такой замечательный голос, – напомнила я. – Мне казалось, что ты перестала петь, когда длился траур по брату...

– Нет. Причина не в том, – призналась Иссоа.

– А в чем же?

Она обняла Ульвена и нежно, но повелительно приказала ему: «Ступай, мой милый, во двор к другим детям, тут взрослые разговоры. Потом мы тебя позовем».

Вид у мальчика был недовольный, но препираться с императрицей он не счел для себя возможным. Какие-то правила этикета родители ему очевидно успели внушить, раз уж он понимал, что титул принца влечет за собой как права, так

и обязанности.

Интересно, так ли воспитывали в свое время другого Ульвена?.. И таким ли он был? Бойким, властным, напористым, неуёмно пытливым?.. Еще рано судить о том, насколько племянник и дядя похожи характерами. Внешне, пожалуй, различия очевидны: у мальчика глаза зеленовато-карие, а не коричнево-серые. И в них более явственно угадывается неотразимо проникновенный взгляд его матери – алуэссы.

Смех и детские крики во дворе возобновились. Видимо, все накинулись на Ульвена с расспросами, что такое забавное происходило в гостиной, а он объяснял на смешанном уйлоанско-немецком про «виолино» и Geige, или сердито отмахивался, когда вопросы казались ему несуразными.

– Дорогая Иссоа, ты что-то начала говорить, – напомнила я.

– Да, Юллиаа. Почему я совсем перестала петь и спрятала виолино в сундук. Это не из-за брата. Вернее, не только из-за него. А... Илассиа, Эллаф и Карл сами слышали. Но, может быть, не поняли, что я сделала там, на Лиенне.

– Ты издала ужасающий вопль, – вспомнил Эллаф. – От которого всех как будто пришибло. И пока ты кричала, никто не посмел даже пошевелиться. Кроме Карла.

– Мне тоже стало не по себе, – сознался Карл. – Но я должен был действовать. Будто кто-то мне диктовал шаг за шагом: сделай так, потом сделай так. Пришлось абстрагироваться и стараться игнорировать звуки, которые издавала

Иссоа. Я удивлялся лишь их оглушительной мощи.

– Карл, похоже, оказался единственным, кого не поверг в полную оторопь клич алуэссы, – пояснила Илассиа. – А мы с Эллафом уже слышали это однажды и, может быть, потому не лишились рассудка и не оцепенели на месте, как прочие.

– Нет, причина не только в этом, – возразила Иссоа. – Тот клич не касался вас, мои дорогие. Поэтому он не мог причинить вам вреда. Разве что прозвучал действительно очень громко. Но ведь это не музыка, где нужно думать о мере и красоте.

– А что это было? – спросил Карл.

– Проклятие, – кратко сказала Иссоа.

И без каких-либо сожалений призналась:

– Я тогда прокляла ту планету. Лиенну. Со всеми ее обитателями.

А потом со своей обычной милой застенчивостью тихо спросила всеведущее Мироздание:

– Интересно бы знать, подействовало?..

Ночной разговор

До глубокой ночи мы с Карлом обсуждали случившееся. Дети спали – они уплавались, унырялись, убегались, ухохотались, улакомились. Под конец принц Ульвен тоже принял участие в их забавах, но лишь после того, как Карл обещал ему, что начнет обучать его игре на скрипке, а Исоа согласилась помогать, поскольку сама когда-то была ученицей Карла. Инструмент и смычок она, правда, всегда держала неправильно, да уж что с них взять, с уйлоанцев.

– Вот тебе и нежная девушка, беззащитная Froschprinzessin – Лягушка-царевна, – усмехнулся Карл, когда мы, наконец, остались вдвоем.

– Schatzi, мы ведь знали, что она – алуэсса, – напомнила я. – И ведь вы с учителем недаром выбрали ей артистический псевдоним «Лорелея».

– Никакая Лорелея не могла бы такое содеять. Юльхен, это правда было за пределами всякого понимания. Я раньше считал, что она оглушительно выла и голосила от боли и ужаса. А выходит, те жуткие вопли имели осознанный смысл.

– Ты не слышал Лусс Блумп. А я слышала.

– Лусс Блумп?

– Амфибия с Валги. Почти что наша соседка. Забыл? Живет тут недалеко, в Витанове, возле самого склона Эт-

тая. Пожилая солидная дама, сирена двоякохвостая, sirena bicaudata, профессор, сотрудник Института космолингвистики. Специалист по языкам водных цивилизаций. Иногда ведет спецкурс в Колледже, если набирается группа.

– Никогда не встречал.

– Она сейчас редко выходит из дома. Ей трудно передвигаться. А мы с учителем к ней однажды наведались, когда выясняли подробности про русалок и алуэсс. Мы тогда записали два клича.

– С проклятиями?

– Ещё чего не хватало! Нет, один просто призывный, типа «эй, все сюда!», другой... хм-хм... эротический.

– И... как?

– А ты помнишь, какую оргию мы с тобой учинили в тот вечер? Не поручусь, что Ульвен не устроил нечто похожее своей драгоценной Илассиа. Потом те же самые кличи он проверил живьем на Эллафе, когда мы уплыли на озеро Ойо на яхте. Последствия могли оказаться фатальными. Бедный Эллаф пылко признался Иссоа в любви и кинулся в озеро, чтобы там утопиться и покончить с недозволенной страстью к сестре императора.

– Ты не рассказывала!

– Ну, зачем бы я стала... Всем было очень неловко. Иссоа накинулась на Ульвена с упреками в хладнокровной жестокости, тот сокрушенно оправдывался. Зато не осталось сомнений, что эти двое непременно поженятся, пусть не сра-

зу. Как сказал Ульвен, «лучше ясность, чем полный туман». Он был отчасти рад, что признание всё-таки состоялось, а то неизвестно, как долго бы Эллаф молчал, а Иссоа покорно страдала. Но Иссоа тогда испугалась не только за жизнь Эллафа. Она в ужасе спрашивала, неужели она и вправду настолько опасна.

– А при чем тут она, если клич воспроизводился в записи?

– Она в точности повторила его. Даже с превосходящей силой. И Эллаф, уже исчезнувший в тумане и тростниках, послушно приплыл на ее призыв, хотя выглядел почти невменяемым.

– Но ведь это был клич той самой амфибии с Валги, а не уйлоанской океаниды?

– Неважно. Иссоа, как ты знаешь, способна воспроизвести что угодно, от арий Царицы Ночи до боевого клича валькирий.

– Да, диапазон у нее абсолютно нечеловеческий.

– И вдобавок какой-то особенный голосовой аппарат с невиданными резонаторами. Вероятно, он развивался вместе с ее организмом. Иссоа-девочка вряд ли была столь могущественна. Дитя как дитя, только певчее и голосистое. До случая с Эллафом она, похоже, сама не знала, что может не только петь, но и наводить на окружающих морок, овладевая их волей и парализуя двигательные способности. Ты помнишь, они с Ульвеном заехали к нам как-то вечером накануне отлета, немного побыли и распрощались?

– Я так понял, они благодарили твоего отца за его согласие на твое назначение кастеляншей.

– Госпожой Хранительницей, барон!

– Ну, неважно.

– На самом деле они посетили Лусс Блумп. Чтобы она дала Иссоа еще один мастер-класс.

– По проклятиям?

– Я не знаю. Меня туда не позвали. Но, возможно, в тот вечер они занимались и этим.

– В голове не укладывается! Юльхен, всё-таки, кем был наш друг: профессором космолингвистики или адептом русалочьей магии?

– И тем, и другим. И вдобавок иерофантом. Не забудь, что он тоже потомок алуэссы Ниссоа. А к магии он подходил как ученый: записывал, анализировал, изучал воздействие заклинаний на психику, пропускал через звуковые фильтры...

– И, похоже, втайне практиковал.

– Каким образом, Карл?..

– На Лиенне, во время совещания с местным правительством он предложил, чтобы императрицей стала Иссоа, а ему возразили – дескать, нельзя, потому что она алуэсса. То есть, проще, мутант. Он ответил: «У меня те же самые гены – наследственность всей семьи Киофар». – «Но ведь вы не поете над бездной и не издаете их смертоносные зовы?» – спросили его. Представляешь, что он сказал? «Господа мои, а откуда вы можете знать, что я ничего такого не делаю?»..

– Карл, чем дальше, тем больше мне кажется, что он сам нарывался на неприятности.

– Тебе только кажется, а я это видел своими глазами. Он всё время был в напряжении, вел себя очень резко и со всеми конфликтовал.

– Даже с вами?

– С нами – нет, но не слушал никаких возражений и увещаний. Говорил повелительным тоном. Постоянно ругался на «империю фальши и лжи».

– Очень странно. Он же опытный переговорщик и знаток этикета.

– На Лиенне он сделался тем, кого раньше пытался в себе укротить и загнать в железную клетку: своенравным тираном. Успокоился лишь перед той роковой церемонией у очага.

– Может быть, он заранее знал, чем всё кончится. Илассиа мне рассказала, что накануне им вдвоем приснился один и тот же кошмар. Реальность словно раздваивалась, и в каждой развилке событий кто-то должен был непременно погибнуть. Либо сестра, либо брат. Очевидно, он сделал выбор. И морально готовился к смерти.

– Снова магия?

– Не знаю. Скорей, интуиция. У него ведь она была очень развита.

– Как и ощущение нарастающей опасности. Юльхен, он неспроста отдал мне строгий приказ держать наготове флаер.

Я не посмел послушаться, хотя удивлялся, к чему такая предосторожность, вроде бы кризис преодолен, впереди сплошные праздники: церемония у очага, коронация, свадьба Иссоа и Эллафа... Вероятно, он чувствовал и понимал, что среди лиеннских имперцев до последнего дня шла борьба. Были, несомненно, те, кто хотел уничтожить Иссоа, считая, что алуэсса на троне – совсем не подарок, а были те, кто видел в Ульвене непредсказуемого самодержца с дурным и капризным характером. Он всячески давал им понять, что контролировать себя никому не позволит.

– Но если он сам отказался от власти, зачем им потребовалось его убивать?

– Целью мог быть срыв коронации. После убийства она бы сама собой отменилась. Я бы не исключил, что в замыслах заговорщиков присутствовала и последующая расправа с Иссоа. Или полный контроль лиеннских властей над будущей императрицей. Меня отстранили бы как телохранителя, не справившегося со своей задачей. Защитить Иссоа был способен лишь брат. Когда его не стало, вся семья могла оказаться в заложниках.

– Каким образом, Карл? Их что, захватили бы в плен?

– Ну, зачем. Задержали бы на неопределенное время, окружив неприступной охраной и слежкой – ради их безопасности. Если бы мы не эвакуировались на «Гране», а сразу вызвали местных медиков, Ульвена забрали бы в клинику и держали бы там, подключенного к аппаратуре, которая

заведомо не могла бы его воскресить. Сколько бы это тянулось? Не знаю. Несколько дней? Месяц? Год?.. Потом – торжественные похороны, государственный траур, длинное, нудное, ни к чему не ведущее расследование, казнь фанатика-одиночки, закулисные переговоры с Иссоа или Илассиа об условиях примирения и компенсации... Возможно, обеих принцесс поставили бы в такое положение, что они не смогли бы вырваться из цепких рук благодетелей. Ни Эллаф, ни я не имели там права голоса, – мы не члены семьи. Иссоа в то время совершенно не разбиралась в политике и мечтала только о свадьбе. Илассиа, вероятно, кое-что понимала в происходящем, но была совершенно сломлена. Если бы Иссоа отказалась от коронации, то Илассиа могла согласиться, если бы ей внушили, что этого требует память Ульвена.

– Ты их спас. Я горжусь тобой! Ты – герой!

– Юльхен, я вовсе так не считаю. Я порой себя спрашиваю, всё ли я тогда сделал, как нужно. Эллаф заверил меня, что, даже если Ульвен еще был жив, когда мы тащили его до лифта, никакие реанимационные меры уже ничего бы не дали. Попади он в лиеннский госпиталь, там в лучшем случае смогли бы поддерживать его некоторое время в вегетативном состоянии. А скорее, просто не довели бы. Для него уже не было разницы, скончаться ли в местной клинике или на руках у Илассиа в нашем флаере. Я же думал тогда, что обязан как можно скорее увезти из дворца всю семью и забрать с собой тело Ульвена. Теперь иногда сокрушаюсь: вер-

но ли поступил?..

– Не мучь себя, Карл. Насколько мы знаем Ульвена, он предпочел бы достойную смерть жалкой жизни. Зато теперь подрастает наследник.

– Дитя алуэссы. И тоже Ульвен.

– Имена повторяются, это ведь императорская династия.

Карл, ты думаешь, он сможет стать музыкантом?

– Не знаю. Он пока слишком мал. Хотя я тоже начал осваивать скрипку в пять лет. Моей первой учительницей была мама, ты знаешь. Из меня хотели сделать примерного мальчика-аристократа. Развитого во всех отношениях. И никто тогда не знал, кем я стану.

– Ты ведь будешь его обучать?

– Попробую. Когда я не летаю, времени у меня предостаточно. Если только Иссоа и Эллаф не начнут возражать.

– Скрипку ведь у него не отняли.

– И правильно. Инструмент не должен пылиться на дне сундука.

– А как насчет детского варианта?

– Юльхен, где нам взять его на Тиатаре?.. Даже если миниатюрную копию сделают по моим чертежам, это будет лишь суррогат, вроде той лиеннской империи, которая мало чем походит на подлинную, уйлоанскую. Ульвен возмущался, что на Лиенне всё построено на иллюзиях и фантомах.

– Там ведь нет алуэсс?

– Разумеется, нет.

– Так откуда они про них знают?

– Сам Ульвен рассказал в своих лекциях. Приведя документы, тексты, карты и съемки тех знаменитых мозаик Менноа.

– И безумно всех напугал.

– Он хотел, чтобы его предполагаемые подданные знали правду о династии Уликенов.

– Что ж, теперь пусть подавятся этой правдой... Будь они прокляты.

– Юльхен, уймись!

– Я вполне понимаю Иссоа. И, если б я была там и могла повторить заклинание, тоже наколдовала бы им все напасти, какие бывают, да еще бы кое-что и прибавила.

– В каждой женщине, очевидно, сидит алуэсса.

– А во мне еще и валькирия.

– Чокнутая.

– Хэйо-то-хоо!..

– Юльхен, тише! Ночь, все спят!

– Обними меня, мой космический ангел. И давай улетим ото всех.

Коллеги

Вращаясь в заколдованном треугольнике между нашим домом в Витанове, Колледжем космолингвистики и Тиастеллой, я редко бываю в Тиамуне (так зовется и сам Межгалактический университет, и возникший рядом с ним городок). Колледж считается частью университета, однако сохранил автономию, и летать в Тиамун мне без особых поводов незачем.

Разумеется, меня приглашали на открытие двух исследовательских центров, основанных учителем – Музея Уйлоа и Института истории Тиатары. Ни один из них не называется в честь него, и сначала мне думалось, что это не совсем справедливо. Однако в Тиамуне нет никаких других объектов с личными именами, и, наверное, пусть лучше память хранится не извне, а внутри. А с этим здесь всё в порядке.

В Музее Уйлоа есть зал, посвященный участникам первой археологической экспедиции и ее вдохновителю, профессору Лаону Саонсу – Илассиа постаралась представить самые интересные факты из жизни отца и подарила кое-какие предметы, включая разношенные ботинки, которые гляделись бы совершенно обычными и неказистыми, если бы не совершили умопомрачительный многоступенчатый перелет: Лиенна – Виссевана – Тиатара – Уйлоа – вновь Тиатара. Для Лаона

Саонса главным в одежде и обуви было удобство, в итоге – вещи с богатой историей.

Виссеванские археологи, супруги Нашшударран, Мендарруихх и Адванаирра Нашшударран, поделились личными съемками руин Меннао и Уллинофароа. Самый эффектный кадр – Адванаирра в скафандре, стоящая в руинированном проеме окна «Морской ратуши» Меннао.

Иссоа нашла в семейном архиве редчайший автограф Ульвена – его упражнения в уйлоанской каллиграфии. Обычно он набирал свои тексты на компьютере, а тут – настоящая рукопись, стилизованная под древность.

На мою долю выпала чрезвычайно ответственная задача, – даже, сказала бы я, священная миссия: реконструировать и издать лиеннские лекции учителя о трех версиях «Алуэссиэй инниа» – «Песнопений океанид»: оригинальной, найденной в тайнике под дворцом в Уллинофароа, «придворной», привезенной когда-то на Тиатару, и «школьной», то есть весьма урезанной и искаженной, бытующей на Лиенне. Илассиа отдала мне все материалы, которые Ульвен брал с собой на Лиенну. Некоторые коллеги домогались права поучаствовать в их подготовке к изданию, но семья Киофар заявила, что готова доверить такую работу лишь мне.

Книга вышла два года тому назад. Помимо электронного варианта с видеоприложением, она была роскошно напечатана на бумаге и помещена на почетное место в витрине музея:

«Профессор Ульвен Киофар Джеджидд.

«Алуэссиэй инниа» – уйлоанская, тиатарская и лиеннская версии: источники, язык, поэтика, композиция.

По материалам лекций, прочитанных в Межгалактическом университете Тиатары и в Императорском университете Уллинофароа, Лиенна.

Составитель, научный редактор и автор комментариев – профессор Юлия Цветанова-Флорес».

Помимо собственных изысканий Ульвена, туда вошли факсимиле уйлоанского оригинала и тиатарского варианта (из собрания семьи Киофар) и текстологически выверенные расшифровки всех трех версий, равно как параллельный перевод на космолингву. И если кто-то подумает, будто моя роль сводилась лишь к упорядочиванию материалов Ульвена, то пусть попробует повторить этот труд. Мое имя там значится совершенно по праву. И я горжусь этой книгой не меньше, чем собственной монографией.

Электронная версия доступна в любом инфоцентре, и она по понятным причинам гораздо полнее печатной. Однако издание на бумаге получилось необычайно эффектным. От него исходит ощущение подлинника. Мне приятно видеть книгу в музейной витрине, среди артефактов погибшей цивилизации.

В экспозиции Музея Уйлоа, доступной всеобщему обо-

зрению, представлены отнюдь не все находки, привезенные «Гране». Некоторые рукописи и хрупкие предметы искусства заменены электронными копиями, а оригиналы находятся в подземных хранилищах с особым световым и температурным режимом. Их открывают только специалистам, изучающим историю и культуру уйлоанской империи.

Один объект изъят даже из научного обихода: «Книга церемониала», предназначавшаяся исключительно Императору-иерофанту. Только он имел право прикоснуться к ней, чтобы свериться с древним каноном сакральной церемонии у очага или даже внести в канон необходимые изменения. Даже Лаон Саонс, обнаруживший манускрипт в сокровищнице императорского двора Уллинофароа, не осмелился прочесть ничего, кроме названия и оглавления – книгу полностью смог изучить лишь Ульвен, которому ее вручили еще до его визита на Лиенну. Он же распорядился поместить «Книгу церемониала» в сейф музея и не выдавать никому, кроме принцев и принцесс из семьи Киофар, получивших полное посвящение в иерофанты. Иссоа видела книгу в то недолгое время, когда святыня находилась в доме семьи Киофар, однако вряд ли могла бы сама разобраться в ней без помощи брата или Маиллы – для прочтения и верного истолкования текста требовались лингвистические и текстологические познания на уровне магистра или профессора. Поскольку ни описывать, ни разглашать подробности церемонии нельзя, артефакт остается замкнутой «вещью в себе», Ding an sich,

как говорит мой Карл (выражение, впрочем, он позаимствовал у старинного философа Канта, труды которого сам не читал – говорит, они столь же головоломны, как уйлоанские ритуалы).

С руководством Музеем Уйлоа вышла довольно запутанная история. Ульвен обмолвился на Лиенне, что, вернувшись на Тиатару, сам возглавит Музей, когда покинет пост ректора. Сначала должность предложили Илассиа – одной из двух главных наследниц Ульвена, магистру биоэтики и штатному преподавателю университета. Но Илассиа отказалась: сначала она очень медленно приходила в себя после гибели мужа, затем писала книгу об отце («*Профессор Лаон Саонс – основоположник уйлоанистики*») – ничем другим заниматься она не хотела. Директором стал молодой историк-уйлоанист Уйлан Аллар, ученик профессора Лаона Саонса. Однако он подал в отставку после того, как императрица Иссоа отказала ему в разрешении ознакомиться с «Книгой церемониала», поскольку Уйлан Аллар не являлся ни принцем, ни иерофантом. Оспаривать волю императрицы Аллар не осмелился и предпочел увольнение.

В итоге пост директора Музея Уйлоа получил не кто иной, как Вайлен Кеннай – кузен Ульвена, неудавшийся космолингвист, не дошедший до защиты магистерской (Ульвен отказался поставить на титульный лист свое имя в качестве научного руководителя, сочтя работу слабой и зарекшийся с тех пор брать в свой класс близких родственников).

По прошествии многих лет Вайлен Кеннай, уже будучи отцом семейства зрелого возраста, вдруг решил стать историком, экстерном закончил университет, написал довольно среднюю, но приемлемую диссертацию по истории уйлоанской общины на Тиатаре – и получил престижную должность. Затем он добился от Иссоа посвящения в иерофанты. И ему, как родственнику семьи Киофар, императрица позволила приобщиться к «Книге церемониала». Впрочем, насколько я знаю, Вайлен Кеннай взглянул на рукопись пару раз из чистого любопытства, а углубляться в нее не стал. Настоящим уйлоанистом он не так и не сделался, наукой занимался лишь ради поддержания своего реноме, ни одной монографии до сих пор не опубликовал, а статьи его касались всегда очень частных вопросов и редко содержали действительно новую информацию. Администратором, впрочем, он оказался довольно умелым. Ректорат Тиамуна не имел никаких претензий к Музею Уйлоа: продолжается каталогизация обширных коллекций, издается ежегодник «Уйлоанские древности», проводятся конференции, семинары, экскурсии для студентов и школьников, обновляются текущие выставки. Однако меня туда приглашают нечасто. Иногда и вообще «забывают» позвать, а потом удивляются, как такое могло получиться. Впрочем, вся информация о мероприятиях имеется на сайте университета, каждый может выбрать интересное для себя.

Директор Вайлен Кеннай на общих собраниях и совеща-

ниях в ректорате держится со мной уважительно, но весьма отстраненно. Он, едва ли не единственный из уйлоанцев, избегает называть меня «госпожа Хранительница», предпочитая обращение «госпожа профессор Цветанова-Флорес» или «уважаемая коллега». Вероятно, его до сих пор задевает мой статус ближайшего друга семьи Киофар: сам Вайлен появляется в доме Иссоа и Эллафа лишь по торжественным случаям, а я могу бывать там, когда захочу, без повода и приглашения. И, конечно, он не забыл, что Ульвен считал его профессионально несостоятельным, а мною, напротив, гордился как лучшей своей ученицей. Ну, не всем же дано становиться космолингвистами! Это скорее призвание, чем ремесло.

Институтом истории Тиатары заведует бывший коллега Ульвена по ректорству – профессор Уиссхаиньщц с планеты Аис. Он историк цивилизаций, и его назначение выглядит совершенно естественным. Однако посвященные знают, что на самом деле он – куратор Тиатары от Межгалактического альянса. Как почетный ректор в отставке, он по-прежнему вхож в ректорат, где имеются средства межгалактической связи. А должность директора крупного научного центра его совершенно устраивает. Профессор Уиссхаиньщц полагает, что историю следует понимать широко, и поэтому присоединил к своему институту еще и экологов, и планетологов, и палеонтологов. Исследовательское учреждение в Миарре стало филиалом Института истории Тиатары и получило название Институт биологии Тиатары, во избежание путаницы. Недо-

вольные, знаю, роптали, но со временем страсти утихли, а от сотрудничества все только выиграли.

На недавних выборах ректоров Тиамуна победили Эктор Жиро из Института биологии Тиатары (отец моего приятеля Альфа, который тоже теперь профессор), и физик Гаррх Бархханг, окуданец, которого я помню со времен Межгалактического конгресса. Поскольку оба новоизбранных ректора не вполне хорошо разбираются в истории цивилизаций и в уйлоанистике, то очередную межгалактическую научную конференцию по взаимодействию разных культур на Тиатаре («Тиатара: опыт сотрудничества») организуют Колледж космолингвистики, исторический факультет Тиамуна, Музей Уйлоа и Институт истории Тиатары.

Я тоже включена в оргкомитет. Отвертеться не получилось. У меня за плечами опыт двух межгалактических конгрессов, я признанный мастер синхронного перевода, уникальный полиглот, отличный переговорщик, дочь известного дипломата, ученица великого космолингвиста – бла-бла-бла, тра-ля-ла, устоять невозможно, возражать бесполезно: «Профессор Цветанова-Флорес, не скромничайте!»... Ладно, уговорили, берусь!

Снова – секция перевода, синхрон и команда подопечных студентов.

Из-за этого мне иногда приходится летать в Тиамун. Когда есть такая возможность, я беру с собой девочек. Лауре и Валерии скоро будет двенадцать, им пора решать, чем они

хотят заниматься в дальнейшем. Языками они владеют, но к космолингвистике у них душа не лежит; они не пылают от вожделения, узнав о каком-нибудь заковыристом языке неизвестной планеты, и не блаженствуют при звуках чьей-нибудь изумительно своеобразной фонетики.

Лауре нравится возиться с детишками, а Валерия рвется в пилоты, но Карл убеждает ее, что для девушки эта профессия чревата плохими последствиями. «Например?» – пристает она к нему. «Непоправимый ущерб для здоровья». – «Пап, не городи чепухи! Ты здоров? И дедушка Макс – здоров? Чем я хуже?» – «Ты женщина, Валли». – «А женщина – не человек?»... Объяснить ей подробности я пока не берусь. Мои дочери знают, что они зачаты в пробирке, но почему по-иному у нас не вышло, я с ними не осуждала. Лауре мы лишь недавно открыли печальную истину: вынашивала ее моя мама, которая родами и умерла. Нам казалось, что сообщать это маленькой девочке означало бы нанести ей непоправимую травму. Она и так получилась другой, чем сестра – более чуткой, серьезной и вдумчивой.

Отпустив их гулять по кампусу и выдав денег на лакомства, я занялась своими делами. Заседали мы в Институте истории Тиатары и улаживали сугубо технические вопросы, о которых нет смысла писать.

Потом все понемногу начали расходиться, а я вдруг решила остаться и поговорить с профессором Уиссхайнышцем с глазу на глаз.

У нас с ним отношения почти столь же давние, как и с моим учителем, только складывались они поначалу конфликтно. Будучи второкурсницей, я даже осмелилась против него взбунтоваться, и Ульвен с трудом помирил нас – он вынужден был открыть мне истинный статус своего коллеги, для которого преподавание служило прикрытием его межгалактической миссии. И хотя профессор Уиссхаиньщц не раз проявлял ко мне интерес и даже некоторую благосклонность, не могу сказать, что он пользовался моей взаимностью. Насколько я доверяла учителю, настолько побаивалась Уиссхаиньщца. Да, Ульвен постоянно внушал мне: его коллега – никакое не инфернальное существо, а типичный уроженец планеты Аис, но я-то знала и помнила, что аисяне порой бывают другими. На вид они все кошмарны, однако никто из них, кроме Уиссхаиньщца, не воспринимался мною как порождение тьмы. При этом он никому из нас ничего плохого не делал, тут я должна судить справедливо. Кураторы, как мне объяснил Ульвен, вообще не вмешиваются во внутренние дела опекаемых ими планет, кроме как в экстренных ситуациях.

В последний раз я с ним говорила в ту ночь, когда на меня обрушилось ясновидческое прозрение: мой учитель погиб. Я сама связалась с Уиссхаиньщцем и спросила его, могло ли такое случиться, и почему эта весть долетела ко мне во сне прежде, чем ее донесли межгалактические ретрансляторы (а это делается не мгновенно и даже не очень быстро). Ту

беседу с «ночным со-ректором» я припоминаю теперь очень смутно. Я находилась в состоянии транса, как древняя пифия. У меня колотилось сердце, тряслись все конечности, ноги заледенели, язык выговаривал нечто невысказанное – а в экране виднелся безглазый бесформенный призрак, вещавший глубоким механическим басом и называвший меня не по имени, а «госпожа Хранительница». Ни сочувствия, ни сострадания ожидать от него не следовало. Мой учитель, когда со мною случались несчастья, первым делом спрашивал, чем он может помочь. Уиссхайншцц лишь с философским спокойствием констатировал: да, феномен мысленной связи между мной и Ульвеном – исключительный, но при этом реальный, поэтому прилетевшая ко мне во сне информация заслуживает быть воспринятой как гипотетически верная. Через несколько дней он прислал сообщение с подтверждением моих самых страшных предчувствий. Это произошло в перерыве между моими занятиями со студентами. Не знаю, как я тогда довела семинар до конца. Возвратилась в дом семьи Киофар и слегла в лихорадке.

Общаться с ним по душам мне не очень хотелось. Я вовсе не избегала профессора Уиссхайншцца, но больше ему не звонила и не просила об аудиенции, особенно, пока он оставался ректором. Виделись мы исключительно по официальным поводам.

Заметив, что я не спешу покидать зал, в котором шло совещание, он первым спросил:

– Профессор Цветанова-Флорес, у вас есть ко мне дело?

– Скорее, вопрос, профессор Уиссхаиньщц.

– Тогда прошу вас в кабинет.

– Я только сообщу моим дочерям, что слегка задержусь.

Он молча проследовал в свое сумрачное капище, оставив открытой дверь. Существом его расы чуждо галантное обхождение с дамами, да и вообще они не обременяют себя избыточной вежливостью.

Войдя, я устроилась внутри аморфного сооружения, которое мгновенно приняло форму мягкого кресла, удобного для гуманоидов. Уиссхаиньщц прикоснулся к панели, и створки двери бесшумно съехались. Несомненно, снаружи вспыхнула надпись: *«Не входить. Идет совещание»*.

– Слушаю вас, госпожа Хранительница, – произнес мощным басом сгусток темной материи, облеченный в бесформенный балахон непонятного цвета.

– Я уже не Хранительница, профессор Уиссхаиньщц.

– Вы желаете, чтобы я не называл вас так?

Я задумалась и признала про себя его правоту. Несмотря на то, что я больше не ведаю домом семьи Киофар, я храню всё, связанное с учителем: его курс перевода, его кабинет, его тексты. А в сердце и в памяти – облик, голос, манеры.

– Называйте, как вам угодно, старейший наставник.

– Что привело вас ко мне?

– Я хотела узнать про Лиенну.

– В каком аспекте?

– Изменилось ли что-нибудь за шесть лет.

– Почему вдруг у всех такой интерес к этой весьма далекой планете?

– У всех? Я не первая?

– Меня уже спрашивали примерно о том же, причем независимо друг от друга, магистр Илассиа Киофар Саонс и профессор Ассен Ниссэй.

– Вероятно, случайное совпадение, – попыталась избежать я искреннего ответа. – Илассиа летала туда вместе с мужем, и Лиенна, смею напомнить, ее родная планета. А Ассен – астроном, у него свой предмет изучения.

– А вы, госпожа Хранительница?

Хотя глаз в нашем смысле у аисян нет, мне показалось, что Уиссхаиньщц меня насквозь просвечивает. Ложь он бы выявил тотчас же. Но на правду я всё-таки не решилась.

– Мы по-прежнему часто встречаемся в доме семьи Киофар, старейший наставник. И недавно зашел разговор про Лиенну. Все эти годы было слишком болезненно вспоминать о случившемся. После того, как я со слов четырех очевидцев описала убийство учителя в моей монографии, посвященной ему, а также в предисловии к моему изданию его лекций, мы старались совсем не затрагивать этой темы. Говорили между собой о чем угодно, кроме Лиенны. А тут вдруг нам захотелось узнать, как живет тем, кто совершил столь тяжкое злодеяние. Но ни у кого из нас нет и не может быть связи с Лиенной, даже у астрономов. Поэтому, очевидно, Илассиа

и Ассен обратились непосредственно к вам. Они ведь тоже знают, что вы – куратор.

– Ваша версия принята.

Очевидно, он догадался о моих недомолвках, но не стал выпытывать правду. Отступить было поздно. Не могла же я встать, извиниться за неоправданное вторжение и уйти ни с чем.

– У вас есть какая-то информация, старейший наставник?

– Не вполне актуальная, госпожа Хранительница, но – есть.

– Если это не тайна...

– Не тайна. Но лучше бы не распространять ее, где попало.

– Вряд ли здесь, кроме нас, причастных, она кому-нибудь любопытна.

– Вы полагаете?..

Еще один поток просвечивающих лучей, пропущенных сквозь меня. Я ощущала себя, словно перед полетом в транс-камере.

– Когда случаются планетарные катаклизмы, госпожа Хранительница, они затрагивают всех и каждого.

– На Лиенне... что-то случилось?

– Там теперь постоянно что-то случается. Межгалактический альянс направил туда куратора, хотя раньше в этом не видели необходимости: цивилизация поступательно развивалась, внутренние конфликты гасились самими властями, лиеннцы не воевали с соседями, а старательно конструиро-

вали у себя свою воображаемую империю.

– А сейчас они угрожают кому-нибудь?

– Им не до этого, госпожа Хранительница. После убийства моего уважаемого коллеги там начались ожесточенные споры и столкновения, переросшие в непримиримую рознь.

– И кто там против кого выступают?

– Все против всех, госпожа Хранительница. Есть партия, утверждающая, будто отрекшийся император действительно совершил святотатство, и поэтому ничья коронация ни при каких условиях не могла состояться. Их противники, наоборот, поклоняются памяти Ульвена Киофара и считают всех его критиков пособниками убийц. Еще одна партия признает лишь провозглашенную императрицу Иссоа и настаивает на передаче ей всей власти в империи. Но есть и немало тех, кто никогда не смирится с подчинением женщине, и особенно этой – как они полагают, склонной к странным причудам и крайне неуравновешенной. Другие хотели бы смены династии и готовы принять как императрицу магистра Илассиа Киофар Саонс, поскольку она уроженка Лиенны, дочь прославленного профессора Саонса и вдова отрекшегося императора. Наконец, имеются, и в немалом количестве, те, кто выступает против всякой империи и требует уничтожения всех ее институтов и перехода к тому, что жители Теллус зовут демократией. Столкновения всех этих партий, начавшиеся сразу после известных событий, не только не прекращаются, но и движутся в сторону эскалации. В политиче-

ском смысле там хаос, чреватый гражданской войной. Бывший глава правительства, господин Оннео Виттай, оказался вынужден покинуть планету вместе со всей семьей и перебраться на Виссевану – якобы, ему угрожали расправой.

– Куратор на Лиенне бессилен остановить кровопролитие?

– Дело не в кровопролитии, госпожа Хранительница. О массовых казнях или вооруженных действиях мы пока не осведомлены. Но на Лиенне установилась атмосфера всеобщей вражды. Социальная обстановка взрывоопасна. Это нас весьма удручает, ведь одновременно происходят другие неблагоприятные изменения. Мы фиксируем участвовавшие природные катастрофы и ухудшение климата. Раньше на континенте Фарсан никогда не видели снега. Теперь он выпадает на севере каждую зиму, а порой накрывает и области, в которых выращивают сельскохозяйственную продукцию. Нехватка питания и переход на суррогаты вызывает не только болезни, но и общественные конфликты, придачу ко всем вышеназванным.

– Может быть, виноваты какие-то космические явления?

– Судя по нашим наблюдениям, ничего подобного рядом с Лиенной не происходило. Их солнце, Маир, стабильно...

– Маир?!...

– Чем вы так удивились, госпожа Хранительница?

– Это имя звезды из одного старинного стихотворения, которое мой учитель выбрал для семинара по поэтическому

переводу. Он не успел пройти его со студентами, пришлось подключиться мне. Я еще удивлялась, откуда он взял столь редкий текст, и подумала, что учителя привлекали анафоры, а не смысл, который там весьма умозрителен.

– Профессор Джеджидд, очевидно, заранее выяснил, как называется та звезда, к которой ему предстояло лететь. А потом искал это слово в различных текстах и наткнулся на совпадение.

– Очевидно, вы правы, старейший наставник Уиссхаиньщц.

– И о чем те стихи?

Я процитировала по памяти в оригинале, на русском:

*Звезда Маур сияет надо мною,
Звезда Маур,
И озарён прекрасною звездою
Далёкий мир.*

Уиссхаиньщц пользовался лингвочипом, и перевод на космолингву, вероятно, транслировался ему прямо в сознание. Вряд ли он хоть сколько-нибудь разбирался в стихах. Подстрочники на космолингве всегда выходили ужасными.

– Лучшее прочее получился перевод английский, выполненный моей ученицей Линдой Харрис, – заметила я и привела те же самые строки:

The star Mayir is shining high above me,

The star Mayir.

*A distant world lit by its rays so lovely
is lying here.*

– Дальше там говорится о прекрасной планете, где царят любовь и покой, – пояснила я.

– На Лиенне сейчас ни того, ни другого.

– Неужели настолько... плохо?

– Мы пытаемся сбалансировать разные векторы, чтобы кризисы не наложились друг на друга. Но пока удастся избежать лишь самого худшего.

– Худшего?

– Упадка цивилизации, исключения Лиенны из Межгалактического альянса и последующего неминуемого самоуничтожения местной уйлоанской диаспоры. Прогнозы довольно тревожные.

– Но прошло не так уж много времени...

– На Лиенне – больше, чем здесь. К тому же, госпожа Хранительница, мы говорим о тенденциях. А они таковы. Изменений пока не видно. Разве что нам удалось воспрепятствовать настоящей войне и убедить наиболее ревностных почитателей вашего учителя перенести свою активность на другой континент, Лиоллан, который почти не освоен. Они занялись активным строительством города Киофароа, однако, насколько нам известно, намерены вскоре объявить о сво-

ей независимости и сделать Киофароа столицей «Свободного Лиоллана». То есть порвать с Лиеннской империей. Конфликт оказался отнюдь не улаженным, а лишь отложенным на несколько лет или десятилетий.

– Скажите, старейший наставник Уиссхаиньщц, а возможно ли с помощью технологий, доступных вам, или посредством искусства хронавтики, заглянуть в отдаленное будущее?

– Нет, госпожа Хранительница. Только в прошлое. Будущее создается сейчас усилиями столь бесчисленных индивидуумов и с участием столь многих факторов, иногда совершенно случайных, что мы в силах лишь строить вероятностные прогнозы. Я воздерживаюсь от рассуждений на столь отвлеченные темы. Иначе я был бы каким-нибудь магом или гадалцем, а не историком цивилизаций.

– Но хронавтика... позволяет что-нибудь скорректировать... в прошлом?

– Вы хотели бы переписать все события того дня и предотвратить убийство учителя?

– Безусловно. И не только я мечтала бы об этом, старейший наставник Уиссхаиньщц.

– Ничего не получится. Две реальности несовместимы. Это был его собственный выбор.

– Довольно-таки безрассудный.

– Нисколько. Мой коллега действовал исключительно рассудительно – разумеется, в рамках той этической и поведен-

ческой парадигмы, которую он тогда принял.

– И... ради чего?

– Ради общего счастья, покоя и мира под той самой звездой Маир.

– Оказалось, что всё напрасно.

– Вероятно, вмешались иные силы, госпожа Хранительница.

– Какие?

– Полагаю, вы знаете лучше, чем я.

Он опять пронзил меня своим нечеловеческим взглядом – без зрачков и без глаз, проникающими лучами.

– Ручаюсь вам, старейший наставник Уиссхаиньщц, я никак не причастна к тому, что творится сейчас на Лиенне. Совершенно никак.

– И не в вашей власти что-либо исправить, – с чуть заметной иронией констатировал он.

– Я всего лишь профессор космолингвистики. И близкий друг семьи Киофар. Не куратор Межгалактического альянса.

– Хорошо, профессор Цветанова-Флорес. Мы достаточно много сказали друг другу. Ступайте к своим дочерям. А я займусь делами Института истории Тиатары.

Двери его кабинета, в котором всегда царил полумрак, разъехались. Я встала, откланялась, произнеся обычное прощание на аисянском – «Да хранит вас вечность, старший наставник Уиссхаиньщц!» – и услышала вслед вместо ответного вежливого пожелания:

– Мой совет, госпожа Хранительница: осторожнее со словами.

Сюрприз

Выйдя на солнечный свет, я зажмурилась от контраста и не сразу увидела на скамье под кустами мараджики Лауру, Валерию и двух юношей чуть постарше. Один из них – мой брат Виктор. Другого, темноволосого, я не знала. Но это был человек! Не тагманец, не уйлоанец, не пришелец с другой планеты. Девочки сидели, мальчики стояли напротив них и общались столь увлеченно, что меня никто не заметил – я-то боялась, дочери встретят меня с кислыми мордочками: обещала задержаться ненадолго, а провела у профессора Уиссхаиньшца, наверное, битый час.

Заметив мое приближение, Лаура первой вскочила: «А, вот и мама!». Через пару секунд меня окружил молодняк, и я смогла увидеть лицо незнакомца. Ему было лет семнадцать, он еще не избавился от легкой прыщавости, но всё равно выглядел привлекательным: темные волосы в крупных кудрях, огромные карие глаза под густыми ресницами, обаятельная улыбка...

– Мама, познакомься: наш новый друг Стефан Древич! – поспешила представить его Валерия.

– Планетолог, – добавил Виктор. – Тоже учится здесь, в параллельном потоке.

– Древич? – сразу же вспомнила я знакомую с детства фа-

милию. – Стефан, вы не родственник доктора Камелии Древич?

– Я ее сын, госпожа профессор, – ответил он. – Вы можете обращаться ко мне на «ты», мне будет приятно. О вас я много слышал, и был страшно рад повстречать здесь сначала вашего брата, а потом и дочерей.

– Как поживает твоя матушка, Стефан? Она все еще работает на Арпадане?

– Нет, госпожа профессор. Мама здесь, на Тиатаре, она будет вести курс космопсихологии для желающих. Это факультатив, но желающих оказалось немало, причем самых разных специальностей.

– Значит, вы недавно сюда прилетели?

– Старались успеть к началу семестра, но слегка задержались. Не страшно, я пропустил совсем не так много. Наверстываю. Занимаюсь целыми днями. Лишь сегодня решил прогуляться, проветрить голову. И сразу же встретил Виктора! А он познакомил меня с Лаурой и Валерией.

– Госпожа Камелия хорошо переносит здешний климат?

– Нормально. Говорит, напоминает ей летнюю Сербию.

– Сербия – это планета? – спросила Лаура.

– Нет, страна на Земле, – пояснил Стефан. – Мама родом оттуда, но покинула ее еще в детстве.

– Передай своей маме привет от меня, – попросила я.

– Может быть, вы хотели бы нас навестить? Мы живем тут рядом, в кампусе.

Не успела я ответить, как Стефан набрал ее код и сразу же получил приглашение для всей нашей компании.

Пока мы шли в профессорскую резиденцию, я мысленно удивлялась такому неожиданному повороту событий.

Камелия Древич намного старше меня. Когда я покинула Арпадан пятнадцатилетней девчонкой, ей было сильно за тридцать. Она запомнилась мне как красивая, стильная, очень выдержанная, очень умная и немного загадочная «психологиня», к которой, похоже, мужчины не отваживались приближаться – она видела их насквозь и словно бы вовсе в них не нуждалась. Я не знала, Древич – это девичья ее фамилия, или она побывала замужем, но развелась. На Арпадане она жила одна. Стало быть, если Стефан тоже носит фамилию Древич, значит, она родила его, не вступая в брак. Ну, неважно, главное, лучше не спрашивать у мальчика про отца. Захочет – сам что-нибудь расскажет.

На третий этаж профессорской резиденции мы поднялись на прозрачном лифте и сразу же оказались на террасе с растениями, шезлонгами, скамьями и столиками – это общественное пространство, но оно примыкает к жилым помещениям, и у каждого квартиранта есть свой уголок, который можно обставить, как нравится.

Камелия Древич уже ждала нас. Она выглядела моложавой и почти не переменившейся. Ну, наверное, волосы она всё-таки красит. Цвет выбран очень удачно: глубокий темно-каштановый. А так – всё такая же стройная, с четкими

чертами лица, с пронизательным взглядом карих глаз, одетая в цветастое домашнее платье, одновременно и яркое, и не в кричащих тонах: бордовые листья на желтоватом фоне.

– Ах, какая приятная встреча! – улыбнулась она, увидев меня. – Едва Стефан назвал ваше имя, я сразу же сказала: веди сюда немедленно, не лишай меня такой радости! Юлия, это просто невероятно – после стольких лет снова встретить вас! Да, я знала, что вы здесь работаете, но Колледж космолингвистики далековато от университета, я еще не успела нанести визит вам и вашей семье...

– На Арпадане вы звали меня на «ты», – напомнила я.

– А сейчас неудобно, – улыбнулась она. – Давайте выберем компромисс: на «вы», но по имени. Юлия и Камелия.

– Отлично! Мне нравится. Камелия, разрешите представить вам моих дочерей: Лаура и Валерия. Баронессы Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн. А Виктора вы уже знаете.

– Очень рада! Проходите, мои дорогие, взгляните, как мы живем – и давайте пить чай на террасе, там привольнее.

После крайне тягостного разговора с куратором Уиссханийнцем, который больше походил то ли на поединок, то ли на взаимный допрос, общаться с Камелией Древич оказалось невероятно легко. Именно этого мне, очевидно, сейчас не хватало.

О чем только мы не беседовали! Об Арпадане, об общих знакомых, о нашей жизни на Тиатаре, о Колледже космо-

лингвистики, о моих друзьях-уйлоанцах, о бароне Максимилиане Александре, который уже перестал летать, но всё ещё продолжает работать в космопорте – заведует центром подготовки к полетам. . .

Конечно же, Камелия и Стефан получили приглашение навестить нас в Витанове, когда им будет удобно. Дети, думаю, будут общаться и так – они уж обменялись кодами и договорились о следующей встрече. Вот и славно, а то я немного тревожилась, что Лаура и Валерия дружат в основном с Ульфаром и Массеном – и отчасти с соседом, Тадди Уайтфилдом, но тот теперь тоже студент Тиатарского университета, медик, и бывает дома нечасто.

Наверное, не мне одной приходят на ум возможные сочетания пар. Но об этом всерьез рассуждать пока слишком рано. Моим дочерям по двенадцать. Пока они подрастут, всё может еще измениться. Тиамун развивается, люди сюда иногда прилетают – если не с самой Земли, то с Сироны и Арпадана.

Однако Тадди и Стефан мне нравятся. Славные мальчики.

На маяке

На следующий день ранним вечером после занятий я взяла самый маленький флаер и отправилась на виллу «Илассиа». Келлена Саонса дома не было, но это и к лучшему – я хотела поговорить с самой Илассиа, и желательно с глазу на глаз.

Когда Ульвен впервые привез нас на необитаемый мыс, далеко выступающий в воды озера Ойю, нас поразила строгая красота этого уединенного места. Казалось, каменистый вытянутый полуостров находится вдалеке от какой-либо цивилизации. Только скалы, пески, цветные лишайники, низкие заросли красноватых и темно-лиловых кустарников, шестиногие сухопутные ящерики и крылатые джайки, крабы, раки-отшельники, небо, вода... День был мгlistый, обитаемый берег с рыбацкими домиками и пристанями таял где-то вдали, звуки города сюда не долетали – лишь изредка мимо мыса проплывали баржи, издававшие протяжный сигнал, и тогда над водой взмывали потревоженные хищные птицы – аваххи, похожие на птеродактилей.

Ульвен вдохновился рассказом Илассиа о маяке близ Меннао, где она провела свое детство у дедушки с бабушкой. Впридачу к маяку Ульвен решил построить тут небольшую виллу, в которой предполагал поселиться с Илассиа, когда

Иссоа делается главой семьи Киофар. Если бы, как предполагалось в одном из вариантов будущего, Иссоа с Эллафом остались бы жить на Лиенне, вилла «Илассиа» стала бы загородным владением, помимо старинного семейного очага.

В последние месяцы перед отлетом на Лиенну учитель не щадил себя, стараясь закончить всё, что начал на Тиатаре, или хотя бы довести дела до той стадии, когда останется лишь добавить кое-какие мелочи. Вилла была им задумана как подарок Илассиа, и она сама выбирала стиль убранства, дизайн интерьеров и планировку всей территории: как устроить сад возле дома, площадку для флаера, пристань и ангар для яхты, дорогу на тот заветный маяк, сиявший теперь над озером Ойо туманными днями и вечерами.

Илассиа поселилась здесь в одиночестве сразу после свадьбы Иссоа и Эллафа. Никто даже словом не намекал на то, что она должна покинуть дом семьи Киофар. Но ей самой, очевидно, было мучительно находиться там без Ульвена, и мы все хорошо ее понимали. Когда мы собирались в зале или в малой гостиной, постоянно казалось, будто сейчас он спустится к нам по лестнице или войдет через внешнюю дверь из сада. Всем порою мерещился его голос. А уж как тяжело ей становилось ночами, я даже вообразить себе не отважусь. На вилле, по крайней мере, он никогда не жил и не ночевал. Вся мебель и утварь была девственно новой, и лишь те немногие вещи, которые Илассиа привезла с собой, хранили память об их прошлом счастье.

Я навещала ее, когда писала свою монографию об учителе. Она не отказывала мне в беседах, хотя давались они ей тяжело, и я старалась не быть навязчивой. Потом я прислала ей полный текст, попросив высказать замечания или внести дополнения. Речь шла, конечно, о биографической главе, в которой требовалась максимальная взвешенность и корректность. С текстом предварительно познакомились также Иссоа, Эллаф и Маилла: нельзя было обнародовать сведения о семье учителя без согласия близких родственников. Каждый сообщил мне полезные и интересные сведения, особенно Иссоа, в ведении которой теперь находился семейный архив. Пока я редактировала окончательный вариант своей книги, с Илассиа мы не виделись – она тоже писала собственный труд, посвященный ее отцу.

Коллеги решили, что моя монография достойна быть вынесенной на защиту как докторская диссертация, и пришлось заниматься формальностями, отнимавшими всё свободное время. Пару месяцев я вообще не виделась ни с кем из семьи Киофар.

А потом вдруг Иссоа позвонила мне и сказала, что доктор Келлен Саонс и Илассиа решили связать свои судьбы. Наша императрица отнеслась к этой вести на редкость спокойно и пригласила нас с Карлом на бракосочетание, которое должно было состояться в узком семейном кругу, без гостей. Вскоре официальное приглашение последовало от жениха и невесты. Мы слегка удивились подобному обороту событий, но

восприняли его с пониманием. Доктор Келлен знал Илассиа чуть ли не со времен ее прилета на Тиатару, перед свадьбой с Ульвеном она даже жила в его доме в качестве родственницы (очень дальней), овдовели они почти одновременно – словом, они хорошо понимали друг друга. Илассиа не скрывала, что продолжает любить Ульвена, и лишь доктор Келлен мог находиться рядом с ней, не впадая в бесплодную ревность.

Свадьба вышла очень тихой. По сути, она свелась к регистрации брака в стенах администрации Тиастеллы и к скромному угощению в доме семьи Киофар. Церемонию у очага не проводили. Почему – всем было понятно. Иссоа благословила новобрачных не как иерофантесса, а как глава семьи Киофар. Помимо нас, присутствовали только Ассен и Маилла. Мы слегка пошутили над причудливой волей судьбы: Илассиа сделалась мачехой Эллафа и свекровью императрицы, то есть старшей дамой в семье. Однако на их отношения это не повлияло. Илассиа не притязала ни на какое главенство и вела себя очень тактично. Доктор Келлен казался смущенным, но притом несомненно счастливым.

После свадебного обеда Келлен и Илассиа отбыли на виллу, а мы, немного пообщавшись, тоже вскоре разъехались. Никто из нас не желал бы, чтобы Илассиа навсегда осталась скорбящей вдовой, а доктор Келлен встретил старость в одиночестве, но пылкой радости тоже никто не испытывал.

Через несколько дней последовало внезапное продолжение. Илассиа и Келлен пригласили всех нас к себе. За Иссоа

и Эллафом послали яхту, Маилла с Ассеном приехали по суше на электрокаре. А мы с Карлом прилетели на флаере.

Илассиа, как оказалось, попросила Маиллу освятить очаг на вилле, чтобы можно было проводить там сугубо семейные церемонии, без гостей и огласки. Сама Илассиа давно уже приняла посвящение от Ульвена и не раз помогала ему, однако «пробудить», как тут говорится, совершенно новый очаг мог лишь иерофант высокого или самого высшего ранга. Это входило в прямые обязанности императрицы, но Илассиа побоялась беспокоить ее: Иссоа вынашивала наследника и должна была скоро родить. Присутствие Иссоа уже воспринималось как особая милость.

А затем, наконец, состоялась церемония у «пробужденного» очага, скрепившая брак Келлена и Илассиа священными узами. Руководила этим действием опять же Маилла, не связанная близким родством ни с женихом, ни с невестой. Церемония совершалась не так обстоятельно и торжественно, как в доме семьи Киофар, но отнюдь не выглядела внешней данью древним обычаям – иначе ее не стоило бы затевать.

За семейным обедом Илассиа пояснила: без церемонии у очага она ощущала бы свое второе замужество как не совсем настоящее. А доктор Келлен признался, что, уважая память Ульвена, предложил ей сначала фиктивный брак, дабы она не чувствовала себя совершенно покинутой и неприкажной. Посещать слишком часто вдову императора, особенно по вечерам, он считал неприличным, хотя, как старший

родственник и как врач, имел на это право. Но Илассиа не приняла его жертву и пожелала стать ему настоящей женой, принеся клятву верности у нового – своего – очага. Рождение сына, Лаона, окончательно скрепило их необычный союз.

Я объясняю всё это, чтобы стало ясно отличие виллы «Илассиа» от дома семьи Киофар. Старый дом обладал чрезвычайно сложным характером, вобравшим в себя нравы, взгляды, повадки и прихоти всех своих обитателей (может быть, даже отчасти и мои, поскольку я подолгу жила в нем и как гостья, и как Хранительница). Однако в доме временами царило веселье, играла музыка и звенели детские голоса, в том числе в последние годы, когда тут резвились и озорничали то Виктор, то близнецы Ульфар и Массен, то Лаура и Валерия, а теперь еще и Ульвен, сын Иссоа и Эллафа. А на вилле «Илассиа» преобладала вдумчивая, затягивающая в себя тишина. Еле слышные шорохи домашних приборов, монотонное дуновение ветра, плеск волн... Илассиа и Келлен говорили друг с другом на «вы» и вполголоса, или вообще обходились без слов. Зачем слова, когда всё уже сказано?..

Но мне для ясности нужны были именно слова.

Илассиа встретила меня у посадочной площадки. Она услышала легкий шум подлетавшего фляера и вышла из дома, накинув плотную серебристую шаль и держа за руку Лаона.

– Аввао Юллияа, – поздоровались они со мной почти одновременно. – Аввао Юллияа-саа.

Я ответила тем же уйлоанским приветствием – «Аввао, Илассиаа – аввао, Лаонн-сайо». «Сайо» – это ласковое обращение к маленьким. «Саа» – почтительное обращение к старшим.

Наверное, останься Илассиа в доме семьи Киофар, она никогда бы больше не вышла замуж и не стала бы матерью. Лаон словно бы сознавал, что он послан Илассиа и Келлену как награда за все былые страдания. Этот мальчик никогда не капризничал, не шумел, не буянил. Илассиа даже порой брала его с собой в университет – на ее занятиях он либо спал, либо тихо сидел, разглядывая картинки флоры и фауны Тигатары.

Мы вошли в дом. Внизу гулял сквозняк, шевеливший все занавески. Илассиа щелкнула пультом и закрыла окна, оставив лишь дверь нараспашку.

– Хочешь соку, воды или чаю? – спросила она.

После смерти Ульвена мы с нею снова исподволь перешли на «ты». Поначалу это произошло в виде непроизвольной обмолвки – а потом мы решили, так будет правильной.

– Мама, можно мне соку? – вмешался Лаон.

– Можно. Но лучше не перебивать, – ответила она ему Ульвеновой фразой, только сказанной более мягко.

Мы сели в гостиной. Лаон быстро выпил целый стакан и попросился на воздух – он строил из песка и гальки какое-то

сложное сооружение, которое сам назвал «планетарной станцией». Присматривая за ним в монитор наблюдательной камеры, Илассиа вежливо расспросила меня о моих домашних делах и теперь терпеливо ждала, что я объясню ей причину моего внезапного появления.

– Я недавно была в Тиамуне, – сказала я словно бы между прочим. – На совещании относительно будущей конференции «Тиатара – опыт сотрудничества». И напросилась на аудиенцию к профессору Уиссхаиньщцу.

– О да, я знаю, у вас с ним особые отношения...

– Точно так же когда-то говорили про меня и учителя...

– Так ведь это было сущей правдой.

– Но не в общепринятом смысле, Илассиа.

– Да, конечно, – отозвалась она безмятежно. – И что там с Уиссхаиньщцем?

– Я решила попробовать разузнать о недавних событиях на Лиенне. И узнала, что с тем же вопросом к нему уже наведывались и ты, и Ассен. Разумеется, это сразу же вызвало у него подозрения, будто мы все каким-то образом в этом замешаны.

– Даже ты? Но тебя на Лиенне не было.

– Он подозревает, будто мне известно больше, чем я сказала.

– И что?

– Я умею молчать, Илассиа. Однако в присутствии Уиссхаиньщца мне кажется, он и без слов всё знает.

– О проклятии?

– Видимо, да. Я ничего такого не произносила, ручаюсь.

Но хотела бы выяснить, если можно, о чем ты с ним разговаривала.

– Примерно о том же, Юлия. Я спросила, как сейчас живут мои далекие однопланетяне. Он ответил: с тех пор, как мы в ужасе бежали отсюда, лиеннцев преследуют сплошные несчастья, и положение постепенно усугубляется. И... он внезапно задал вопрос, каково мое мнение о наиболее вероятных причинах непрекращающихся катаклизмов.

– А ты?

– Я сказала, что, очевидно, был резко нарушен планетарный баланс, но исправить положение совершенно не в наших силах.

– Прости, дорогая Илассиа, я не очень тебя поняла. О каком балансе ты говоришь?

– Это связано с дисциплиной, которую я изучаю и преподаю – с биоэтикой.

– Разве это не про экологию и межпланетное законодательство?

– Не только. Биоэтика основана на принципе гармоничного равновесия всех систем мироздания, в том числе в планетарном масштабе. Законодательство – внешнее оформление правил, учитывающих и экологию, и вмешательство внешнего разума в объективно развивающиеся процессы.

– Например?

– Интродукция новых видов в другую экосистему. Или, наоборот, истребление целых классов живых существ, которые, вероятно, могли бы составить альтернативную цивилизацию.

– Алуэссы?

– Как ни странно, профессор Уиссхаиньщц задал тот же вопрос.

– И что ты ответила?

– Насколько я знаю, на Лиенне их нет и не было. Существа, упомянутые в «Алуэссиэй инниа», считались всецело сказочными.

– Ты хотела добыть генетические материалы, чтобы выяснить, насколько действительно уникальны гены семьи Киофар.

– Не успела. Я надеялась на контакты с биологами и генетиками, но моя программа оказалась составлена так, что я почти нигде не бывала сама по себе. Мы с супругом всегда находились рядом, и в поездках, и на лекциях, и на встречах – а он встречался либо с властями, либо с коллегами из Императорского университета, Императорского музея и прочих императорских заведений. Мне казалось, я не должна оставлять его одного, ибо он во мне ежечасно нуждался.

– Но при нем постоянно находился Карл.

– О, да. Мы безмерно ему благодарны. Однако друг и телохранитель – не то же самое, что жена. Я была для него вторым разумом, вторым сердцем и вторыми глазами. Мне при-

открывалось много такого, что оставалось скрытым от Карла.

– В том числе нарастающее неприятие императора его подданными?

– Мы сами не поняли, в какой момент напряжение между ожиданием и реальностью переросло во враждебность и породило жажду расправы.

– Почему Ульвен не пытался уладить конфликт на той стадии, когда это было возможно?

– Я спрашивала. Он отказывался объяснять. Говорил, что он в своем праве и намерен идти до конца. Ты прекрасно знаешь, каким он бывал в таких случаях. Спорить было бессмысленно. И к тому же я – не ты. У меня никогда не хватало духу перечить ему.

– В самом главном я тоже никогда не перечила. Мы цапались по мелочам.

– «Извините, учитель, исправлюсь»...

– О да. Волшебная фраза, прекращавшая все наши стычки.

– У меня была наготове другая фраза: «Ваша воля, супруг мой, – я всегда буду с вами». Я никак не могла допустить, чтобы между мною и ним начались хоть какие-то разногласия. И особенно там, где из близких рядом были только Иссоа, Эллаф и Карл, причем Иссоа и Эллаф не вникали в происходящее: им казалось, всё хорошо, их прекрасно везде принимают, и они наконец-то смогут быть счастливы. На

Лиенне их брак не воспринимался как вопиюще неравный. Единственное, чего опасался мой супруг – попыток лиеннских властей предложить Иссоа жениха из местной аристократии. Однако этого общими усилиями удалось избежать. Накануне церемонии коронации Эллафа официально объявили будущим мужем императрицы.

– А потом на них сразу обрушился этот кошмар.

– Я сказала бы – лучше не напоминай, но, Юлия, все мы продолжаем жить внутри того самого дня, миг за мигом, круг за кругом, без выхода, без конца... Невозможно кому-либо объяснить, что тот день сотворил с нами всеми – за исключением, может быть, Карла, поскольку он единственный не был кровно связан ни с кем из нас, и в решающий час сумел сохранить самообладание. Он, конечно, нас спас. Неизвестно, не предполагали ли заговорщики уничтожить еще и Иссоа.

– Но тогда погибла бы вся династия?

– Оставалась я. Вдова законного императора. Уроженка Лиенны. Заведомо не алуэсса. Способная вновь выйти замуж и произвести желаемое потомство. Вероятно, они полагали, будто я ради власти и титула способна на что угодно. В том числе на такое предательство. Как же всё это гнусно и мерзко...

– Дорогая Илассиа, я совсем не хотела тебя так расстраивать. Может быть, вернемся к ученым материям?

– Каким?

– К нарушенному балансу. Как ты думаешь, чья тут вина?

– Я не знаю, а просто рассуждаю с позиции биоэтики. Мой супруг полагал, что на Лиенне все представления о реальности оказались смещены изначально, и существовавшая там конструкция была устроена совершенно превратно. Вместо строительства новой жизни на новой планете они решили восстановить старую, причем по весьма приблизительным схемам. Очевидно, он думал, что сможет это исправить. Как – не знаю. Вероятно, при помощи разума. Он считал, что сначала нужно заставить лиеннцев расстаться с иллюзиями, трезво взглянуть на факты и научиться мыслить критически.

– У него был какой-нибудь план?

– Сомневаюсь. Он ведь действовал как ученый и сильно зависел от материала. Вероятно, он полагал, что сначала необходимо вникнуть во все обстоятельства. Но, чем больше он вникал в них, тем меньше ему они нравились. Кое-что нам просто навязывали, а ты помнишь, как он обычно выходил из себя, когда подобное случалось с ним здесь, в семье или в Колледже. Он терпеть не мог, когда им пытались как-либо управлять.

– Что ему навязали?

– Охрану, помимо Карла. Кучу сопровождающих. Множество сугубо протокольных мероприятий, на которых ему приходилось выслушивать множество льстивых речей без возможности затеять живую дискуссию. Камеры наблюдения в императорской резиденции. Фильтрацию поступающей корреспонденции внешними секретарями. Наконец,

трансляцию лекций.

– А почему он возражал против их трансляции?

– Юлия, ты сама редактировала его книгу про «Алуэссиэй инниа». Там сугубо научная терминология, дотошные текстологические комментарии, сравнительные таблицы, справочный аппарат.

– Да, я некоторые места сократила и сгладила, чтобы вышло удобочитаемо. А слишком трудные для понимания экскурсы отправила в примечания.

– Эти крайне мудреные лекции воспринимались на слух увлекательней, чем твой письменный вариант, потому что они произносились прекрасным оратором и мастером поэтической декламации. Его обаяние завораживало. Однако всё это предназначалось не для профанов. Толпа извлекла из обширных выступлений несколько прямолинейных тезисов, истолкованных, к тому же, не так, как он бы желал.

– Например?

– Вся история уйлоанской империи мрачна и кровава. Императорская семья веками скрывала неприглядные тайны. Алуэссы – существовали, но были очень опасны, и поэтому их истребляли. «Песнопения океанид» – никакие не детские сказки, а повествование о непримиримой войне двух некогда родственных рас, и вдобавок собрание гибельных заклинаний.

– Но ведь это во многом правда, Илассиа.

– Мой супруг хотел донести свои открытия прежде всего

до ученых. И может быть, посоветоваться с собратьями на Лиенне примерно так, как нередко советовался здесь с нами. А когда эти тезисы без научной дискуссии сделались достоянием всех и каждого, то возникла та самая турбулентность, с которой никто из нас не мог справиться. Многие ощущали себя оскорбленными: сам император подверг безжалостному отрицанию всё, во что они всю жизнь слепо верили. Каждый резкий маневр моего супруга лишь усугублял ситуацию. Война уже шла в умах, прежде чем составилась заговор.

– Получается, мой учитель сам нарушил согласие на Лиенне, и сделал это сознательно?

– Юлия, мне больно слышать, как ты его обвиняешь. Будь добра, перестань.

– Извини, дорогая Илассиа. Я всего лишь пытаюсь понять механизм, приведший к столь ужасной развязке.

– Но Иссоа сама призналась. Это было проклятие.

– То есть, снова – слова.

– Не только. И звуки тоже. Совершенно невероятные. Они до сих пор у меня в ушах.

«Мааам!» – внезапно раздался с порога голос Лаона. Мальчик вбежал в гостиную: «Я сделал! Планетарную станцию!»...

Илассиа не стала его укорять за вмешательство в наш разговор. Она встала: «Ну что ж, покажи нам». Я спросила: «Мне тоже можно?». Ребенок ответил: «Да, Юллияа-саа!»...

На песке возле пристани, у которой покоилась яхта «Илас-

сия», Лаон соорудил целый городок из отдельно стоящих полукруглых модулей, соединенных крытыми переходами из кусочков садового шланга.

– Надо же! – восхитилась я. – Откуда бы знаешь, как устроены такие станции?

– Дядя Ассен рассказал! – похвастался Лаон. – И дядя Каарол!

– Один – астроном, другой – космоплаватель, – кивнула Илассиа.

– Я тоже бывала в подобных мирах, – сообщила я. – На Марсе, на Арпадане, на Сироне. Правда, там везде купола. Иначе существа вроде нас не могли бы на этих планетах дышать.

– Если сделаю купол, не будет видна красота, – возразил четырехлетний строитель.

– Красота – это важно, – согласилась Илассиа, отряхнув песок со своего безупречного платья, за которое Лаон хватался испачканными руками.

– Маама, Юллиаа-са, а пошли на маяк?

Мысль прекрасная. Я сразу же поддержала Лаона.

Мы с Илассиа поднимались на лифте, а Лаон взметнулся по внутренней винтовой лестнице. Несмотря на свой покладистый нрав, мальчик вовсе не выглядел медлительным и неуклюжим. Наверху мы оказались практически одновременно. На смотровой площадке под фонарем автоматического маяка действительно дуло заметно сильнее, чем на

земле, где от ветра нас загораживали либо дом, либо скалы. Илассиа закуталась в шаль, а я, как приехала, так и не сняла плаща-безрукавки.

Здесь Илассиа уже не отпускала Лаона от себя и всё время крепко держала то за плечи, то за руку. Вряд ли он бы задумал перегнуться через ограждение или высунуться наружу, на которой мы стояли, но опасения матери были понятны.

Закат над озером Ойо – зрелище необычайное, особенно, если созерцать его с возвышения, и кажется, будто находишься где-то между водой и облаками. Солнце Айни садится медленно, постепенно тая в тумане за дальними плавнями. Краски меняются плавно, перетекая от студенистого розового с переливами перламутровой лиловости и бирюзы до огненного, воспалённо-алого, дымчато-пурпурного, густо-багрового – как застывшая кровь... А потом в Тиастелле начинают зажигаться огни, и маяк на мысу перемигивается со своим братом на набережной.

– Маам, а можно, я вниз? – спросил Лаон, которому надоело стоять неподвижно.

– Беги, – разрешила Илассиа. – Подожди нас там, мы тоже скоро спустимся.

Детские ножки бойко застучали по лестнице.

Илассиа, видимо, хотела мне ещё что-то сказать. Я уже боялась задавать ей вопросы, лишь бы снова не беречь ее раны. Но ей явно хотелось выговориться, а кроме меня, рядом не оказалось никого, кто мог бы понять, какие муки она

продолжала носить в себе все эти годы.

Неожиданно она очень тихо, но очень внятно прочитала стихи.

*Земля марсианских закатов, земля воспаленных снегов,
будь всем, чем хочешь, богата – отдай мне его одного.
На этой страшной планете лишь я встречаю рассвет
помня то, чего не было, любя того, кого нет...*

– Орелия Гор? – удивленно спросила я. – Откуда ты ее знаешь?

– Когда мне стало совсем тяжело, я наведальась к доктору Абелью Финну. Мы о многом поговорили. Он подарил мне книжечку. Иногда перечитываю. А потом по строкам и строфам – всплывает.

– Так бывает со всеми стихами.

Орелия Гор – марсианская поэтесса. Она никогда не была на Земле, но полюбила землянина, с которым виделась только раз, когда он прилетал на Марс. Потом он погиб при посадке – спускаемый аппарат упал где-то в Арктике.

– Ты не знаешь... И никто из вас больше не знает... – словно бы нехотя проговорила Илассиа. – Я пыталась покончить с собой. Наглоталась снотворного. Здесь, на маяке. Потом подумала, что меня еще очень долго никто не найдет, и это будет выглядеть совершенно ужасно. Спустилась вниз. Поняла, что уже засыпаю. И что, если я начну умирать на

песке, то меня заживо растерзают аваххи. А закончат трапезу крабы и ящерицы. Наверное, так и случилось бы. Я пыталась добраться до дома ползком, чувствуя, как туманится разум и коченеют конечности. Где-то на полдороге потеряла сознание. Келлен каким-то образом почувствовал, что мне плохо – он звонил много раз, а я не отзывалась. Он решил немедленно ехать сюда, захватив на всякий случай свой медицинский кейс. И успел.

– Иссоа и Эллаф... знают?

– Нет. Мы никому не рассказывали. Зачем нарушать их покой. Они счастливы – после стольких страданий и испытаний.

– Как и вы с Келленом. Я рада за вас, Илассиа!

– И ты не считаешь это... предательством?

– Что ты! Нисколько! Жизнь должна продолжаться!

В тишине, наступившей после небесной мистерии, послышался дальний звук электрокара.

– Почти как тогда... Келлен возвращается, – сказала спокойно Илассиа. – Нам пора.

Мы забрали Лаона и вместе встретили доктора Келлена Саонса, вернувшегося из медицинского центра, где он присутствовал на очередной операции.

– Папа! – бросился к нему мальчик.

Келлен взял его на руки и дружески поздоровался со мной. Они втроем смотрелись как слаженная семья, в которой между супругами нет обжигающей страсти, но есть по-

читительная привязанность. Лаон радовал их обоих, и в присутствии сына можно было не вспоминать о лиеннской трагедии и лиеннском проклятии.

Илассиа приглашала меня остаться поужинать с ними. Но я отказалась.

– Не боишься лететь в темноте? – спросила она.

– Нет, не в первый же раз! Чего бояться? Трасса подсвечена огнями, флаер новый, электроника очень надежная, трафик сейчас небольшой.

Я взлетела над виллой, развернулась над озером Ойо и направилась в Витанову, домой.

Всё и сразу

Наше очередное собрание в доме семьи Киофар оказалось немногочисленным. Только Иссоа, Эллаф, их дети и мы троим – я, Карл и барон Максимилиан Александр.

Иссоа и Эллаф, как всегда, встретили нас радушно и ласково, но больше всего гостям обрадовался Ульвен. Он запрыгал от счастья, увидев Карла и барона Максимилиана Александра, был горд донельзя, когда ему разрешили сесть вместе с нами за утренний стол, а потом притащил «виолино» и вцепился в Карла как клещ: «Bitte, zeig mir, wie spielt man die Geige!»...

Юному принцу и двум баронам отвели для урока музыки маленькую гостиную, где когда-то Карл обучал Иссоа.

Мы немного понаблюдали за ними. Ульвен был жаден до знаний, но ребячески нетерпелив. Он хотел получить сразу всё и злился сам на себя, когда понял, что мгновенно заиграть у него не получится – нужно методично осваивать азы ремесла. Как настраивать струны, как держать инструмент, как отыскивать и относительно чисто извлекать из скрипки звуки – пока без смычка, щипком, *pizzicato*. Барон Максимилиан Александр помогал им советами и несколько сдерживал прыть неуёмного ученика, который при неудачах сам себя беспощадно ругал – «Тупой баадар!»... Слушать это бы-

ло необычайно забавно, но я старалась не рассмеяться. Зато Карл не сдержался и захохотал, и Ульвен тотчас задал вопрос – как нужно выругаться по-немецки? «Dummkopf», – опрометчиво сообщил ему Карл, после чего Ульвен изобрел гибрид «Dummkopf Baadar!» – и снова набросился на непокорную Geige.

Чтобы немного отвлечь обоих и дать Ульвену передохнуть, барон Максимилиан Александр запустил для него очень старую запись, которую Карл когда-то прислал мне еще с Арпадана: там они вдвоем исполняли под синтезатор романс Бетховена. Эта пьеса навсегда осталась одной из самых моих любимых, и когда я ее включаю, я неизменно лью слёзы – не от горя, а от прихлынувших воспоминаний. Карл в том ролике выглядел совсем юным и красивым как ангел, скрипка пела в его руках, обещая нам близкое счастье. Он и сейчас очень даже хорош собой – по-прежнему стройный, высокий, голубоглазый, но волосы у него больше не золотые, а более тусклые, коротко стриженные, и на лбу появилась морщинка, и щеки уже не мальчишески гладкие, а жестковатые, особенно, если он плохо побрит.

– Was ist das? – зазвенел голосок Ульвена.

– Синтезатор, – ответил Карл. – Смотри, у него не струны, а клавиши. И играют двумя руками. Тембры можно переключать. В этом ролике имитировался оркестр.

– Wie?..

– Совместная игра большого числа инструментов.

– Я хочу! Мне нравится! Где такое берется?

– У нас дома.

– Привезите сюда!

Тут Иссоа вмешалась: «Ульвен, откуда такие манеры? Тебе уже объясняли, что нельзя повелительно говорить с друзьями, особенно когда они намного старше тебя»...

– Пожалуйста, милостивый господин барон, – немедленно сбавил гонор наш маленький принц. – Ich bitte Sie sehr, mein gnädiger Herr Baron...

Карл и его отец принялись объяснять, что наш синтезатор – предмет довольно громоздкий, летать с ним из Витановы в Тиастеллу практически невозможно, к тому же электроника может сломаться, а починить будет трудно.

– Тогда я хочу к вам в гости! – заявил Ульвен.

– Для этого нужно разрешение папы и мамы, – напомнил барон Максимилиан Александр.

Мальчик тут же подбежал к Эллафу и Иссоа:

– Папа, мама, господа бароны зовут меня в гости, учиться играть на клавишах – можно?

– А виолينو? – спросила Иссоа.

– Виолино тоже возьмем! Хочу и то, и другое!

«И побольше, побольше, побольше», – вспомнила я свой любимый стариннейший анекдот, который нередко цитирую в Колледже, когда некий студент берет на себя слишком много. Впрочем, мне самой всегда не хватало предписанных курсов и языков.

Просьба сына привела Иссоа и Эллафа в замешательство. Но Ульвен умел настоять на своем. Он обхаживал мать и отца, приплясывая от возбуждения, уговаривал на двух языках, призывал на помощь обоих баронов и даже меня, die gnädige Frau Bewahrerin, клялся вести себя как идеально вежливый мальчик, – в общем, не отступался, пока ему не обещали, что иногда, если кто-нибудь сможет его сопроводить в Витанову, он будет нас навещать.

Надеясь немного отвлечь Ульвена от мысли о вожденном синтезаторе, Иссоа послала Эллафа наверх, в запертый кабинет – принести стеклянный органчик, «мийон эреллай», на котором сама Иссоа давно уже не играла. Оказалось, гибкая трубка, по которой сжатый воздух подавался внутрь, заставляя звучать инструмент, изветшала и прохудилась. Ульвен огорчился, но тут же принялся дуть в органчик самостоятельно, извлекая потешные и не очень-то музыкальные звуки, а другой рукой нажимая на клапаны.

– Можно это как-нибудь починить? – спросил он мать, недовольный получившимся результатом, и смущенно добавил: – Пожалуйста.

– Это – можно, – сказала Иссоа и переглянулась с Эллафом.

Ничего не поделаешь. Принц – музыкант. Запретить ему быть самим собой ни у кого не получится. Отобрать «виолينو» – он будет играть на «мийон эреллай», отобрать органчик – начнет извлекать музыкальные звуки из кастрюль, бо-

калов, ваз и чего попало.

– Уйлоанский Моцарт, – умилился барон Максимилиан Александр и сразу же получил неизбежное: «Was ist das?»

Пришлось рассказать про земного мальчика, который жил в незапамятном прошлом, звался Вольфгангом Моцартом, и будучи даже несколько младше Ульвена, быстро выучился играть и на скрипке, и на клавишных инструментах, а еще умел сочинять свою музыку.

– А бывает музыка не своя? – изумился Ульвен.

– Конечно, бывает, – ответил Карл. – Я, к примеру, сочинять не умею, а играю то, что написали великие музыканты.

– Написали? Прямо буквами?

– Нет, другими значками.

– Покажи!.. Ой, господин барон. Извините. Покажите мне, будьте добры. Я хочу это знать.

Карл порылся в своем девайсе и нашел какие-то ноты.

– Вот, смотри. Это совсем не единственная система музыкальной записи, – пояснил он Ульвену. – Бывают другие. Эта установилась на нашей планете, Теллус, примерно в восемнадцатом веке... Но другими системами я не владею.

– Научи... научите меня, пожалуйста! Я хочу сочинить свою музыку, а потом ее записать!

– Зачем? – удивилась Иссоа.

– Пусть играют! Во всей Вселенной!

Ничего себе замыслы...

Мы давно уже поняли: если Ульвен пристал, ни за что не

отстанет. Карл принялся объяснять ребенку азы музыкальной грамоты, тот заглатывал мудрёную информацию, будто порцию лакомых сладостей. Я в какой-то момент перестала воспринимать их слова и очнулась, когда мои бароны провозгласили: слух у мальчика – феноменальный, память – выше всяких похвал, способности – вправду «моцартианские». Впрочем, никого это не удивило. Иного мы и не ждали.

И всё-таки он был еще маленьким. Распираемый новыми знаниями, он начал вертеться, дурачиться и озорничать.

– Может, нам пойти прогуляться? – предложил Карл.

– Идите, мои дорогие, – сказала Иссоа. – Я побуду дома, не хочу, чтобы здесь оставались только Файолла с няней и Танджи.

– А я охотно тебя развею разговорами, – откликнулась я. – В предыдущие дни я столько моталась то туда, то сюда! Мечтаю просто расслабиться.

На прогулку вдоль озера Ойю отправилась сугубо мужская компания – два барона, Ульвен и Эллаф. Они сказали, что, может быть, арендуют какую-нибудь яхту. Собственной яхты у семьи Киофар больше не было, «Илассиа» принадлежала супругам Саонс. Обзаводиться еще одним судном Иссоа сочла излишним. Эллаф не увлекался путешествиями по воде, а содержать такую игрушку ради того, чтобы она красовалась у причала без дела, дорого и бессмысленно.

Вскоре после их ухода Нинния вынесла вниз проснувшуюся Файоллу. Девочке – примерно полтора годика. В отличие

от невероятно прыткого и подвижного брата, она казалась тихоней и почти не капризничала. И, судя по серым с голубизною, а не бирюзовым, глазам, алуэссой она не была. Вероятно, Файолла уродилась в Эллафа, Келлена и покойную госпожу Оллаю, а может быть, и в другую бабушку, госпожу Файоллу-старшую, которую я помнила лишь почтенной, холодновато-учливой стареющей дамой, державшей внутри себя все свои страсти и переживания. Недаром госпоже Файолле не очень-то нравилась я, зато сразу понравилась сходная с нею по духу Илассиа.

Мы вышли во двор, где Иссоа и Нинниа поиграли с Файоллой на мягком песочке, специально насыпанном между деревьями, чтобы малышка, едва начавшая ходить и даже с потешной неуклюжестью бегать, не разбивала локтей и коленок. Она с удовольствием перемещалась от матери к няне, каждый раз забирая у одной из них мягкого зверька непонятной породы, которого она называла «Вауа», и относя игрушку к другой. Нинниа и Иссоа кидали друг другу это самое «Вауа», иногда оно падало, я ловила и относила – в общем, все веселились наравне с годовалой принцессой.

– Что значит «вауа»? – спросила я у Иссоа.

– Не догадываешься? – удивилась она. – Это просто «варати»! Мы возили детей в зоопарк при Институте в Миарре. У варати там просторный загон с настоящим прудом и зарослями. Ульвен удивился, что такие крупные животные не рычат, не кряхтят, а нежно посвистывают, а Файолла за-

хотела непременно погладить детеныша. Сотрудники пытались подарить нам малышку-варати, но я категорически отказалась. С ними столько возни! Файолла слегка покапризничала, и мы купили ей взамен настоящей варати игрушечную. Она зовет ее «Вауа» и даже спит с ней в обнимку.

Через полчаса Файолла устала, захныкала, ей вернули любимую «Вауа», Иссоа нежно приласкала дочку, и Нинниа увела ее наверх – отмывать от песка, кормить и укладывать спать.

Наши мужчины прислали нам сообщение, что они действительно наняли яхту и уже отчалили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.